

18+

ПИТЕР ЧАРСКИ

УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ

ХРОНИКИ ЭРРЫ – КНИГА ВТОРАЯ

Питер Чарски

**Утерянные победы.
Хроники Эрры. Книга вторая**

«Издательские решения»

Чарски П.

Утерянные победы. Хроники Эрры. Книга вторая / П. Чарски — «Издательские решения»,

Трон свободен — и в схватке за него сойдутся все силы Эрры. Лорды Лангобар ведут ветеранов на Мидгард, с запада идут свирепые мельтеры, а выскочка Викс по прозвищу Пальчик первым понимает: победит тот, кто не брезгует запретным наследием Древних. Замки горят, знамена в грязи, а вороны пируют. Но эти победы уже утеряны: под пеплом мертвого мира ждет древний враг, и настоящая война еще не началась. Второй том хроник Эрры поднимает ставки и показывает кульминацию кровавой бойни за корону Мидгарда.

© Чарски П.

© Издательские решения

Содержание

Ранее в «Хрониках Эрры»	8
Пролог	9
Война I	12
Семья Лангобар XI	20
Война II	28
Капитан Фортуна I	37
Поход мертвецов VI	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Утерянные победы. Хроники Эрры

Книга вторая

Питер Чарски

*У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты, порох и огонь,
Так сладок мед, что наконец и гадок.*

Уильям Шекспир

Корректор Сергей Барханов

Дизайнер обложки Александр Пашук

Иллюстратор Ангелина Озолина

© Питер Чарски, 2026

© Александр Пашук, дизайн обложки, 2026

© Ангелина Озолина, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-9993-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0068-8872-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ранее в «Хрониках Эрры»

Эрра — планета вечных сумерек, где незаходящее светило Шамаш не пробивается сквозь пылевую завесу, оставшуюся после катастрофической Войны полуторавековой давности. Потомки земных колонистов забыли о своем происхождении и скатились в средневековье, а могущественный Новый Орден жестко контролирует остатки цивилизации, объявив древние технологии ересью.

Великий магистр Боло, правивший Орденом почти сорок лет, умирает в Церкви Духа. В предсмертном завещании он называет преемником епископа Нару — но консул Викс Хелена, тщедушный и всеми презираемый недомерок, не намерен ждать. Он подделывает последнюю волю магистра, объявляет преемником себя и методично уничтожает соперников: названного Боло наследника, бак-хеда мельтеров Меридона и остатки войска мельтерского кунга Стиппера. Адъютанта Боло, картежника Инбара — опасного свидетеля, знающего правду о завещании, — уводят на казнь.

Южнее столицы, в полуразрушенном замке Жус, прозябает древнейшая рыцарская династия Лангобаров, некогда владевшая половиной этих земель и впавшая в опалу после провального мятежа главы семьи. Лорд Бриан — ветеран, измотанный кошмарами прошлых войн; его брат Одрик — жесткий командир орденского Берегового легиона. Трое сыновей Бриана несут бремя угасающего рода каждый по-своему: горячий Эрик рвется в бой, наблюдательный Томас во всем ищет выгоду, а младший Лукас еще верит в героев. Смерть Боло и захват власти Виксом раскалывают Орден, и братья Бриан и Одрик видят в смуте шанс вернуть утраченное: они уводят Береговой легион к лагерю Андергейт, стовариваясь о союзе с гигантами-мельтерами против узурпатора. Родовой замок остается почти без защиты.

Среднего сына, книжника Томаса, отправляют в столичный Капитул Ордена: на словах — ради политических связей, на деле — чтобы спасти от войны. Оставленный комендантом беззащитного замка, Томас отбивает набег моготов-людоедов хитростью, а не силой. Но его тайные сделки с квадрами — разумными крысолюдами — срываются: пленница-колдунья Урсула, которую он надеялся выгодно продать, исчезает из подземелья, освобожденная загадочным устройством Древних. Отцовский приказ, отзывающий Томаса, не доходит вовремя, и юноша все же уезжает в самое сердце Ордена, которому Лангобары объявили войну.

Тем временем на востоке, в портовом Утгарде, еретичка и искательница древностей Амिरальда Лекарь вместе с контрабандистом Дантоном ведет дерзкую экспедицию на воздушных галерах — за золотом млоков, разумных амфибий, правящих океанами Эрры. Им помогает млок-изгнанник Бесхвостый, выловленный рыбаками в открытом море. Экспедиция жестоким штурмом берет неприступную прибрежную крепость Огнепад и планирует следующий рывок, к острову Рыжебег. Над всем этим тянет свои нити загадочный архивариус Теофил Хосс — паук, чьи интересы переплетены со всеми сторонами назревающей бойни.

Война приближается. Викс Хелена задумал уничтожить противников одного за другим: сначала Северолесье, затем мятежных Лангобаров, потом мельтеров. А его шпионы уже ищут оставшихся без защиты детей Бриана, чтобы взять семью «за яйца».

Пролог

Эрику Хафу Лангобару казалось, что он держится в седле как настоящий рыцарь. Начищенные латы отражали мутное пятно Шамаша, забрало шлема было гордо поднято, а его гнедой жеребец нетерпеливо бил копытом. Со стороны — картина, достойная баллад. Жаль только, что никто не спешил эти баллады слагать.

— Кажись, вижу я их, — прохрипел Грим, щурясь своим здоровым глазом. — Три... Три десятка, может, больше.

Старый командир оптиматов сплюнул в пыль. На горизонте маячили темные точки — вражеские всадники. Эрик, как ни всматривался, не мог понять, сколько их там, в этом пыльном мареве. Он снова вытянулся в седле, пытаясь получше разглядеть гребень отдаленного холма.

— Мы их атакуем? — В его голосе прорвалось нетерпение. Три недели в чертовом лагере, три недели скуки и ожидания — и вот наконец...

— Не-а... Ты посиди пока смирно, малыш.

Эрик стиснул зубы и промолчал, как и подобало старшему сыну лорда Лангобара и наследнику замка Жус. Он огляделся, ища, кто еще мог услышать, как Грим назвал его «малышом». Всадники отряда стояли шагах в двадцати; со своими пиками они казались рошей, опутанной щупальцами тумана. Похоже, никто не слышал кривоглазого. Грим служил его отцу еще с осады Золотых Ворот, и Эрик был вынужден с этим считаться.

— Слушай и запоминай, юноша, — продолжил Грим чуть громче, но не оборачиваясь к Эрику. — Видишь, как они построились? Плотно, но не слишком. Чтоб повернуться, значит, если что. Готовы и к атаке, и пуститься наутек. Хитрые гады.

Грим повернул коня и двинулся к своим людям. Полтора десятка оптиматов и несколько конных ферритов, которых в последний момент навязал им Каррас.

— Крыса, бери своих — и давай налево. Но не торопись, сучий ты сын... Медленно давай, любовно. А Бока — ты направо. Пять человек возьми, все с арбалетами. И по паре кайлашей на группу.

Всадники молча начали разделяться. Выглядело это как-то не по-военному, но Эрик уже не спорил. На гряде холма началось какое-то движение, кажется, их командир тоже выехал вперед и сейчас наблюдал за движениями горстки всадников внизу.

— Разделяемся? — нахмурился Эрик. — Но они же...

— Не шуми и смотри.

Две группы отъехали уже в стороны, понемногу растягивая строй. Теперь вместо плотного отряда у них было три небольших горсти всадников, разделенных сотней шагов. Они больше не напоминали рошу, теперь они были похожи на пучки кустов.

Эрик повернулся к холму и даже приложил руку козырьком, чтобы не мешал Шамаш, но рука в перчатке только лязгнула по поднятому забралу. Он тихо выругался и начал было снимать перчатку, но запутался в ремешках.

И тут всадники врага клюнули на приманку.

Точки на горизонте мгновенно пришли в суетное движение. Половина всадников двинулась влево, целясь в группу Крысы. Теперь их было видно уже лучше — белые плащи, яркие болтающиеся плюмажи на шлемах.

— Ферриты, — выплюнул Грим слово, как мокроту. — Городские пижоны. Думают, они бессмертные в своих доспехах.

Эрик поерзал в седле. Ферриты! Элитная кавалерия Нового Ордена, гроза еретиков.

Затем он услышал щелчки — группа Крысы выпустила залп из арбалетов. На таком расстоянии попасть было трудно, но пара болтов все же нашла цель. Один феррит свалился с седла, другой припал к шее лошади, но удержался в седле.

— Они отходят! — выкрикнул кто-то.

Конь под Эриком волновался — пятился, мотал головой, и Эрику пришлось сильно потянуть повод, чтобы встать в ряд со всеми. Перчатка опять зацепилась за ремешок доспехов, он дернул рукой — пальцы плохо слушались.

Арбалетчики разворачивали своих лошадей, а ферриты неслись на них, быстро сокращая расстояние.

— За мной! — заревел Грим, вколачивая шпоры в бока коня.

Эрик прижал пятками бока гнедого. Тот рванул так, что Эрика мотнуло и он едва не опрокинулся. Перехватил повод. Меч в правой руке вдруг показался непомерно тяжелым — рукоять била по бедру в ритме копыт, и Эрик вдруг испугался, что уронит его.

Грим скакал впереди, шагах в десяти, и Эрик понял: надо догнать. Прижался к шее коня. Гнедой захрапел и чуть прибавил. Справа и слева неслись оптиматы — их кони храпели и фыркали, мимо мелькала то цепь на броне, то чей-то плащ. Кто-то выкрикнул резкий боевой клич. Впереди бахнул кайлаш, и Эрик пролетел через белое облачко порохового дыма.

Потом он много раз пытался вспомнить эту первую атаку, но остались только обрывки. Ветер в лицо. Хрип коней — как кузнечные меха. Лязг железа. Запах лошадиного пота. И ужас, смешанный с диким восторгом.

Земля неслась под копытами с бешеной скоростью.

Ферриты поняли все слишком поздно. Попытались развернуться, но на скаку такой разворот не делается. Они оказались между молотом и наковальней: продолжают атаку — и нарвутся на кайлаши Боки, развернутся — подставят бок под удар.

Они выбрали третий вариант — бегство россыпью.

Белые плащи развернулись с отточенным мастерством. Никакой паники, никакой суеты — просто четкий маневр, как на параде. И понеслись прочь изо всех сил. Теперь перед Эриком рывками прыгала земля, в лицо летели комья грязи от копыт чьего-то коня, а впереди как солнечные зайчики мерцали белые пятнышки плащей.

— Не отставать! — орал позади Грим. — Давите! Давите!

Но догнать убегающего всадника на равнине — задача не из легких. Особенно если он на хорошем коне и не дурак. Ферриты уходили, и Эрик с отчаянием понимал: его первая битва закончится ничем.

А потом он заметил отставшего.

Феррит на пегом жеребце отделился от своих — конь заметно прихрамывал, и всадник уже озирался, понимая, что обречен.

Эрик яростно прищипорил гнедого. Тот рванул так, что Эрик сжал колени, чтобы не вылететь из седла. Расстояние сокращалось толчками — белая спина впереди то приближалась, то будто отскакивала. Эрик что-то прокричал — вроде бы «Стой!». Мир сузился до белой спины, до загривка коня, до меча в собственной руке. Феррит обернулся в последний момент, попытался выхватить меч.

Поздно.

Эрик пронесся мимо него и даже не ударил, а просто выставил меч.

Удар пришелся по верхней пластине доспеха, и лезвие легко скользнуло под бармицу шлема. Эрик не услышал и не почувствовал ничего особенного. Только удар в руку — и стало, кажется, тяжелее. Феррит мягко повалился с седла. Его блестящий шлем сорвало, и он улетел вперед яркой золотой каплей куда-то в траву.

Эрик проскакал мимо, чувствуя дикий прилив... чего? Радости? Отвращения? Он убил врага. Убил в спину, как последний трус. Но это был мертвый враг.

Вокруг гремели выстрелы. Кайлаши оптиматов плевались огнем. Еще трое противников свалились с седел — на скаку попасть трудно, но не для тех, кто тренировался годами.

А потом все закончилось. Ферриты скрылись за холмом, оставив на поле только мертвых.

— Назад! — орал охрипший Грим, привстав на стременах. — Назад! Назад, шлюхины дети!

Эрик остановил коня, тяжело дыша. На своем мече и доспехах он увидел маленькие капли крови. Он оглянулся — позади валялись тела в белых плащах. Четверо или пятеро. Негусто для победы.

— Ублюдки! — выругался он. — Надо было их догнать! Мы бы...

— Попали в засаду? — Грим подъехал ближе. На его одутловатой физиономии играла кривая усмешка. Эрик заметил, что Грим даже не вытащил из ножен свой меч. Красный глаз привычно сверлил Эрика, а его собрат лениво уперся в землю. — Хотел поглядеть, сколько их там, за тем холмом?

Эрик почувствовал, что задыхается от злости. Он не убрал меч и продолжал тыкать им в сторону холма, где скрылись ферриты.

— Но мы же... Это же не битва! Это даже не... никакая не битва!

— А ты чего ждал? — Грим вытер рот ладонью и стряхнул в траву. — Думал, сразу в славную сечу попадешь? Со знаменами, трубами и горами трупов? Я за двадцать лет службы видел две большие битвы. Две! И пяток сражений поменьше. Все остальное — вот такие вот стычки. Укусил и убежал.

— Но отец...

— Твой отец за всю жизнь участвовал в пяти или шести настоящих сражениях. Не больше. А он с детства воюет.

Грим уже развернул коня одним неуловимым движением.

— Обыскать трупы! Да перевяжите Крысе руку, не видите — его задело! Идем домой! Поторапливайтесь!

Оптиматы уже рыскали вокруг, быстро спешиваясь у тел. Кто-то тянул с мертвого феррита сапоги — хорошие сапоги на войне ценятся. Другой обшаривал карманы. Война как она есть, грязная и мелочная стерва. И все беспокойно озирались на гребень холма, словно опасаясь, что оттуда сейчас хлынет волна всадников.

Эрик не стал слезать с коня, но тоже подъехал к своему убитому. Феррит лежал лицом вниз. Молодой, может, лет на пять старше самого Эрика.

— Первый? — спросил подошедший Бока. Он не смотрел на труп, а деловито засовывал за пояс длинный меч-эсток, снятый с другого убитого.

Эрик кивнул.

— Будут еще, — пообещал Бока, уже подбегая к следующему телу. — Если доживешь!

Эрик остался стоять над трупом, и все, что приходило в голову, — что война оказалась совсем не такой, как в балладах.

Война I

Туман выполз из близкой гряды холмов и лениво расположился между шатрами, как молочно-белая змея. Викс Хелена, четвертый по счету и, если боги сжалятся, не последний великий магистр Нового Ордена, стоял у входа в свой шатер и смотрел на военный лагерь под Фрейром. Лагерь его армии. Белые полотнища с черными крестами саваном висели в неподвижном воздухе. Будто это не армия, а кладбище — но он сразу же прогнал эту мысль. Нехорошо начинать осмотр лагеря с размышлений о поражении.

Рыцари в доспехах брели по грязи между рядами палаток, и металл их лат казался в сумраке тусклым. Кое-кто из них еще пытался изображать бравый вид: прямая спина, задранный подбородок, рука на рукояти меча. Молодые идиоты, не нюхавшие крови. Ополченцы из Мидгарда выглядели честнее: усталые и сутулые, с лицами людей, которые предпочли бы сейчас сидеть в таверне с кружкой эля, а не торчать в этой промозглой дыре в ожидании стрелы в плотку. С подветренной стороны потягивало кислым дымом от костров и нужником.

Викс меланхолично наблюдал, как один из рыцарей бьет по спине раба — тощего человека с бритой головой и уродливым орденским клеймом на затылке. Бедняга уронил кожаное ведро, и оно валялось поодаль. Когда он выдохся и опустил плеть, раб скорчился в грязи, обхватив лысую голову руками. Рыцарь повернулся, и их взгляды встретились, но Викс его не видел. Он посмотрел на раба, и в голове сама собой всплыла кличка из утгардских трущоб — Пальчик. Тридцать с лишним лет назад он так же валялся в грязи, избитый и переломанный. С тех пор он обзавелся сначала орденской рясой, потом инквизиторским жезлом, потом своим легионом, а теперь и магистерским тронem. Но кличка не исчезла, хотя так его уже никто не рисковал называть вслух, она просто ушла внутрь, как паразит, и теперь жила там.

«Четыреста пятьдесят всадников», — мысленно пересчитал Викс в сотый раз. Четыреста пятьдесят против... Он предпочел не заканчивать. Математика войны редко бывает утешительной для того, кто командует меньшей армией.

У входа в его шатер стояли два феррита в парадных доспехах — начищенных до зеркального блеска, с плюмажами на шлемах. Викс усмехнулся про себя. Вот она, суть Ордена: снаружи все блестит, как рыба чешуя, а под латами — вонь, пот и страх. Эти двое, впрочем, были из надежных. Фратер Ома, по прозвищу Тупица — здоровенный детина с лицом, будто высеченным из гранита, и мозгами как у камня. И фратер Марк Хромой — тощий и нервный, с бегаящими глазками, но в бою он стоил троих.

— Ваша святейшества, — пробурчал Ома, отдавая честь, когда Викс проходил мимо него в шатер.

Викс поморщился. «Святейшество». Когда-то он был простым легатом-инквизитором, гонялся за моготами и еретиками на южных границах. А потом стал консулом, командиром легиона. Правой рукой самого великого магистра. А теперь он сам великий магистр, защитник Святой веры, меч Духа-Космоса, проводник Троих и прочая, прочая. И все благодаря своей расчетливости, доверчивости старика Боло и удачно сложившимся обстоятельствам. Впрочем, он хорошо помнил, что обстоятельства складываются вокруг того, кто быстро двигается. Или хотя бы быстрее других.

Проходя мимо Омы, Викс мельком увидел свое искаженное отражение в его начищенном до зеркального блеска нагруднике. Низкий и узкоплечий, рядом с гранитной тушей феррита он смотрелся младшим братом. Или изломанной тенью. «Защитник Святой веры», — подумал Викс с тем особым удовлетворением, с которым человек ковыряет старую рану. Рост не мешал возвышению, потому что соперники его обычно недооценивали. А когда они понимали его истинный рост, становилось уже слишком поздно.

Внутри шатер был обставлен с той помпезностью, которую требовал его новый статус. Колченогая складная кровать, но с шелковыми простынями — Викс на ней не спал уже трое суток, предпочитая полностью одетым и с мечом под рукой дремать в кресле. Изящный столик из полированного дуба, заваленный картами и депешами. Нижнюю часть ножек уже покрыла плесень — этот столик явно не переживет похода. Как и многие из его армии. Статуэтка Троих на подставке — Викс готов был поклясться, что инкрустация на ней из настоящего огненного стекла, добываемого в тех местах, где Древние били друг по другу своим оружием. Интересно, сколько деревень пустили по миру, чтобы оплатить эту безделушку?

Он подошел к столу и взглянул на карту. Правобережье расстиралось перед ним во всей своей обманчивой простоте. Вот Фрейр — городок в нескольких лигах к северу, давший название их позиции и снабжавший продовольствием по немыслимым ценам. Грязное, наполненное мошенниками и ворами место. А вот сам Мидгард — в пяти днях пути на северо-запад, если, конечно, совсем не жалеть лошадей. А вот, в семнадцати лигах к югу — лагерь братьев Лангобаров. Гнездо мятежа. И всего семнадцать лиг. Два перехода для решительного командира с хорошей конницей.

«Но у них должны быть оптиматы», — напомнил себе Викс. Три... да, кажется, три десятка стрелков с дальнобойными ружьями. Личная охрана братьев Лангобаров, которая раньше звалась «Везучий отряд» и служит им со взятия Золотых Ворот. Это был ключик против его рыцарей в красивых латах. Пуля оптимата пробивает красивые доспехи так же, как и безобразные, и бьет так точно, что один их стрелок стоит отряда арбалетчиков.

Дверной полог шатра заколыхался, и Викс инстинктивно положил руку на рукоять меча. Но вошел всего лишь слуга с подносом. Викс уставился на него невидящими глазами, и тот потупился.

— Ваше святейшество. Вино.

Он прошел к столику и молча налил темную жидкость из бурдюка в кубок. Викс кивнул, жестом отпустив слугу. Взял кубок, понюхал — привычка, оставшаяся с инквизиторских времен. Следователей любят травить, поскольку убить их по-другому обычно не позволяет охрана. Но яд всегда пахнет: кислыми яблоками, орехами или сладковатой тухлятиной. Викс сделал осторожный глоток. Кислое дерьмо, но без намека на яблоки. Это хорошо.

За стенами шатра раздались голоса — кто-то из младших офицеров отчитывал солдат. Викс прислушался. Голос был молодой, полный праведного негодования. Ничего, первая же стычка выбьет из него эту дурь. Или война в насмешку сохранит его еще на какое-то время, а потом выпотрошит в самый неожиданный момент. Это в ее стиле.

Он снова посмотрел на карту. Тас-Хас Старший со своими мельтерами — почти полторы тысячи здоровенных синих ублюдков — шел с запада, но был еще очень далеко от Лангобаров. Хотя если они начнут сходитьсь, то это вопрос трех или четырех дней. Тас-Хас, бак-хед, а не кунг — кунга мельтеры почему-то так и не выбрали после смерти Стиппера, — не усидел за рекой в своем Мельте и отправился мстить за собственную кровь. Его сын Каспар погиб у Церкви Духа от руки ферритов, посланных Виксом. Мельтерам было плевать на разборки внутри Ордена. Но кровь они помнили. Они всегда ее помнили.

«Если они объединятся...» Викс не стал заканчивать мысль. Если Лангобары и мельтеры ударят вместе, ему останется только бежать в Мидгард и молиться, чтобы стены столицы выдержали осаду. А это все равно что самому залезть в гроб и ждать, когда тебя зароят.

Северолесье пока помалкивало, но их галеры шныряли по Двуречью, как водяные крысы. Десять кораблей — не бог весть какая сила, но достаточно, чтобы создавать проблемы. Хорошо хоть флотилия Ордена вдвое больше. Шнырять они не перестанут, но кусаться не осмелятся. На юге — Конгруденс. В Утгарде — Амиральда и Дантон. У всех свои счета, у всех свои планы — и пока они не сошлись в одну точку, у Викса есть шанс.

«Разобщенные враги — единственное, что меня спасает, — подумал он, залпом допив вино и поставив кубок на стол. — Но как долго они останутся порознь?»

Он услышал топот копыт и лязг доспехов. Кто-то спешно прыгнул с лошади. Привычно откликнулся Ома — значит, узнал того, кто идет. Викс расслабился. Через мгновение полог шатра откинулся, и вошел фратер Фесто — коренастый и бородатый, с лицом человека, принесшего дурные вести.

— Консул, — выдохнул он, сгибаясь в поклоне.

«Консул». Только Фесто еще говорит ему так. Никто из новых не посмеет, а старый феррит обращается так, как привык за годы совместных походов. Это была единственная вольность, которую Викс ему еще оставил.

Викс почувствовал, будто эта дурная весть уже была у него внутри.

— Давай, говори, — приказал он вместо приветствия, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Стычка в степи, в пяти лигах к югу. Наш пикет наткнулся на конницу Лангобара.

— И? Просто стычка?

— Мы потеряли шестерых. У них оптиматы, консул. Отвлекли наших перестроением, побивали с седел, не подпустив даже на выстрел.

Викс порывисто схватил кубок, но затем взял себя в руки и медленно поставил его на стол. Шесть ферритов. Шесть всадников из его четырехсот пятидесяти. Каждый феррит — это годы подготовки, не какой-нибудь пускающий слюни ополченец с дубиной. Это меч, арбалет и копье, которых в самый важный момент не хватит в битве.

— Зачем вы вообще туда забрались? Узнали хоть что-нибудь полезное? — спросил он, надев маску раздражения с легкой тенью тревоги.

— Только то, что их разъезды подбираются все ближе. И что оптиматов у них больше, чем мы думали.

«Прекрасно. Просто прекрасно».

— Нужно усилить разведку, — приказал Викс. — Скажи Эрамодону, чтобы выставил дополнительные пикеты. Не хочу, чтобы эти ублюдки застали нас врасплох. Но пусть отправляет туда молодых, не надо расходовать опытных в стычках.

— Будет исполнено, консул.

Фесто поклонился и быстро вышел. Викс остался один со своими картами, паршивым вином и страхом. Семнадцать лиг. При желании, если менять лошадей да заранее подбросить свежих поближе, отряд оптиматов может преодолеть это расстояние за день, прокрасться к его шатру и...

Он тряхнул головой. Нет. Он не даст страху завладеть собой. Он — великий магистр, пусть и еще не защитивший свой трон. У него есть план. Пусть отчаянный, но план.

Викс подошел к выходу из шатра.

— Ома! — рявкнул он.

Фратер Ома мгновенно появился перед ним.

— Найди начальника стражи. Пусть удвоит охрану общей палатки командиров. К нам могут пожаловать убийцы от мятежников. И скажи командирам: военный совет через час.

— А не...

— Что?

— А не вашей палатки? Раз уж убийцы... — протянул Ома.

— Нет. Сказано тебе: надо охранять командиров так, чтобы любой убийца за лигу видел, где они.

— Слушаюсь, святейшество!

Викс вернулся к своим картам. Этот Нотхерн на севере манил его, как спелое яблоко. Город пушечных мастеров, ключ к контролю над регионом. Как оптиматы — ключ к контролю

за полем боя, так и пушки Нотхерна — это тоже ключ, но ко всем землям от Правобережья и до Утгарда. Если он сумеет взять его быстрым ударом, пока враги спят...

«Если, — усмехнулся он про себя. — Вся моя жизнь висит на этом крохотном слове».

Но чтобы ударить по Нотхерну, нужно рискнуть и повернуться к Лангобарам спиной. Где-то в тумане прокаркала ворона. Один, два, три раза. Потом раздался еще один звук, и Викс напряженно замер. Вроде похоже на оборвавшийся хрип. Кому-то перерезали глотку? Или это просто часовой выплюнул мокроту?

Викс Хелена, четвертый великий магистр Нового Ордена, тиран, узурпатор и, возможно, будущий покойник, стоял в своем шатре, боясь пошевелиться. Потом с трудом оторвал руку от рукояти меча, размял пальцы и налил себе еще вина. Война только начиналась, а он уже чувствовал себя загнанной в угол крысой.

* * *

Фесто стоял перед ним, как пес, нагадивший на ковер. Вода стекала с его плаща — снаружи начался тот мерзкий пыльный дождь, которым отличаются степи под Фрейром. Капли оставляли потеки и грязные разводы на парусине шатра, на дорогом ковре, на мебелиной полировке, но Викс сейчас меньше всего думал о сохранности имущества Ордена.

— Трое часовых, — медленно повторил Викс, словно пробуя эти слова на вкус. — Хорошо еще, что не ферритов, а увальней из ополчения. И все убиты в тумане из арбалетов. За один караул. За что, интересно, я плачу жалованье разведчикам, если они не могут защитить даже собственную задницу?

Фесто поморщился. Он выглядел как человек, который предпочел бы сейчас находиться где угодно, только не здесь.

— Мы усилили разведку, консул. Прочесали степь на ближайшие лиги. Оптиматы Лангобара подобрались в высокой траве, как тогда у холма Трех Камней. В тумане...

— В тумане никто ничего не увидел, я уже слышал эту захватывающую историю. — Викс прошелся по шатру, стараясь унять дрожь в руках. Не от холода — от ярости. И от страха. В последнее время он с трудом различал их. — Кто командовал караулом?

— Фратер Мартин Рыжий.

— Он еще жив?

— Да, консул. Он в лазарете — расшибся, когда упал с лошади.

«Жаль», — подумал Викс. Мертвые командиры не могут рассказывать о своих провалах. Живые — постоянное напоминание о том, что даже братья Ордена могут обосраться от страха в тумане.

— Где он сейчас?

— У лекаря. Рана серьезная, но не смертельная.

Викс кивнул. Позже он решит, что делать с Мартином. Может, отправит в Мидгارد с депешами — подальше от войны. А может, поставит командовать самоубийственной вылазкой. Он решит позже.

— Расскажи подробнее про этих оптиматов, — приказал он, усаживаясь в кресло. — Ублютков Лангобара. Сколько их вообще? Кто они?

Фесто заколебался, собираясь с мыслями.

— Ну-у... Мартин говорит, не меньше двух дюжин. Может, больше.

— Две дюжины. — Викс потер переносицу. — И что они умеют? Как наши, орденские?

— Не совсем. Они не тренируются по правилам, как наши, это же наемники. Ничем не брезгуют. Их старый отряд...

— Везучий отряд?

— Да, консул. Это они. Еще с Золотых Ворот воюют. Настоящие дьяволы.

— Ты уверен, что это они были у нас в лагере?

— Нет. Они ничего не оставили. Сделали свое дело и исчезли. Как призраки.

«Призраки с арбалетами, которые стреляют в живых, — мрачно подумал Викс. — Худший вид призраков».

Он встал и подошел к карте на столе. Холм Трех Камней — в трех лигах к югу. А убитые в карауле вообще в паре сотен шагов. Слишком близко и слишком нагло. Лангобары прошупывали его оборону, проверяли, насколько далеко могут зайти.

— Так сколько всего, говоришь, оптиматов у Лангобара? — спросил он, хотя помнил ответ. Просто нужно было услышать его вслух, чтобы окончательно осознать глубину той задачи, в которой он оказался.

— По нашим данным, у обоих братьев их около тридцати, святейшество. И они все чертовски хороши.

Тридцать стрелков против его рыцарей в латах. В открытом бою это была бы резня. Латы хороши против мечей и стрел, но не против пуль.

— А у Тас-Хаса?

— У него полк мушкетеров и пушки. Оптиматов после распада отряда Стиппера совсем мало. Только его личная охрана, пять или шесть дуболомов.

Викс невесело усмехнулся. Конечно, пушки. Мало ему было проблем, так синекожие тащат свои пушки из-за реки.

— Скажи мне, Фесто, — произнес он, разглядывая карту. — Что ты думаешь о нашем положении? Только честно.

Фесто помолчал. Ни один хороший солдат не любит высказывать честное мнение начальству.

— Я полагаю... — начал он осторожно. — Нам нужно действовать быстро, консул. Пока они не объединились.

— Блестящая мысль. Я бы сам не додумался. — Викс не пытался скрыть сарказма. — А точнее?

— Если позволите... — Фесто подошел к карте. — Лангобары явно тянут время. Может быть, ждут, пока соберутся все силы. Прошупывают нас, но не атакуют.

— Ждут, пока Тас-Хас подтянет свои пушки?

— Возможно. Или...

— Говори.

— Или ждут, пока мы сами сделаем ошибку. Атакуем опрометчиво, растянем силы. Тогда они ударят.

Викс задумался. В словах Фесто был смысл.

— Что насчет их лагеря? Укрепления?

— Обычный полевой лагерь. Мелкий ров, канава скорее, частокол, ничего серьезного. Но у них численное превосходство. И эти проклятые кайлаши.

Викс отошел от карты и налил себе вина. Предложил Фесто, но тот только покачал головой.

— Консул, — заговорил Фесто после паузы, и это прозвучало как-то доверительно. — Люди нервничают. Слухи о стычке уже расползлись по лагерю. Говорят, что оптиматы могут убить рыцаря с трехсот шагов. Что латы против их пуль бесполезны. Что они служат Темным...

Викс сделал резкий жест, и Фесто замолчал.

— Это правда. Я про пули, — буркнул Викс. — И боевой дух важен, но без верного расчета он приведет нас к гибели.

— Да, но... Если они его совсем потеряют...

— Они разбегутся. Я это знаю. — Викс сделал большой глоток. Вино обожгло горло, но не согрело.

* * *

Командиры собрались в шатре магистра, как слетевшиеся на падаль вороны. Викс окинул их взглядом, отмечая, кто пришел с надеждой, кто — с сомнением, а кто уже мысленно примерял саван. Фратер Фесто был явно не из последних. Все еще в забрызганном грязью плаще, он устроился справа и мрачно смотрел перед собой. Эрамон — слева, массивный и невозмутимый, как скала, с уродливым шрамом, пересекающим лицо, словно высохшее русло реки. Фратер Шан — командир мидгардского гарнизона, тощий, нервный тип с дергающимся веком. И несколько младших офицеров, чьи имена Викс не удосужился запомнить. Покойникам имена не нужны.

— Братья, — начал Викс, наливая себе вина. Руки не дрожали — хороший знак. — У нас есть трудность. Точнее, целых три трудности. Лангобары, мельтеры и Северолесье. Каждый из них и сам по себе может нас разбить. А вместе они сотрут нас в порошок.

— Магистр, — подал голос один из младших офицеров. — Может, стоит запросить подкрепления с юга?

— На карту взгляни. Пока Конгруденс получит депешу — война уже закончится, — сердито оборвал его Эрамон.

Шан переглянулся с младшим офицером и негромко кашлянул.

— Ваше святейшество, — начал он осторожно, — если позиции у нас слабые, может, имеет смысл вернуться к Мидгарду? Стены крепкие, гарнизон свежий. Пусть они приходят к нам.

— А кормиться чем? — буркнул Эрамон. — Город огромный. В Мидгарде запасов на месяц.

— Не на месяц, — отрезал Викс. — Недели на две. Я видел отчеты. И как только мы запремся в Мидгарде, они объединятся, Тас-Хас подтянет пушки и начнет долбить стены. Стены крепкие, но пушки умеют добиваться своего. Сколько простоит Мидгард? Три недели? Месяц? А потом нас оттуда вытащат за яйца и развешат на крюках. Нет, братья. В Мидгард мы не вернемся.

В шатре стало тихо.

— Тогда что? — спросил Эрамон. Это прозвучало не как возражение, а как настоящий вопрос — у командира конницы, который хочет знать, что ему делать со своими лошадьми.

— Вы командиры Ордена. Я слушаю.

Эрамон поднялся. Он переминался у карты, и Викс отметил, что ему непривычно это место — много лет он провел в стременах во главе своих всадников, высматривая, где пройдет конная атака.

— Кон... то есть магистр. — Эрамон чуть запнулся, и Викс это отметил. — У нас четыреста пятьдесят всадников. Братьев и мидгардских конников. У Лангобара примерно столько же, может, чуть больше. Но у них в основном тяжелая конница, а у нас смешанные силы. В открытом поле мы сможем маневрировать, и после обстрела из арбалетов наша атака сметет их в первой же сшибке. Мне нужно только условие — поле, и я разобью их на этом поле.

— Как? Детали, — спросил Викс.

— Дебушируем маршем на их лагерь. Сотни три всадников. Они выйдут навстречу — иначе мы прижмем их к Андергейту. И там сшибемся. Сначала пустим карусели из ферритов и обстреляем их. Будем стрелять и отходить, вымотаем их лошадей. Затем один общий удар. Окружим, добьем оптиматов в свалке — там, накоротке, их кайлаши ничего не значат.

Викс смотрел на Эрамона со смесью уважения и жалости. Это был хороший план. Хороший — для войны, в которой обе стороны воюют по правилам. Если бы Лангобары были рыцарями, вышедшими, как сам Эрамон, из пажеской школы Конкордии и обученными сра-

жаться как и положено благородному коннику. Эрамодон видел перед собой чистое поле, два строя, лязг и пыль — войну, которую он понимал и любил.

— Эрамодон, — сказал Викс негромко. — Послушай меня. Оптиматы — наемники. Они не выйдут на твоё поле.

— Им придется...

— Они найдут твоих рыцарей раньше, чем ты соберешь их для атаки. Спрячутся в кустах, в высокой траве, в овраге. И будут стрелять по вам с трехсот шагов, пока ты будешь строить и выводить на поле боя свою конницу. Ты разогнал триста всадников до галопа — а они уже сняли половину передней линии и отошли еще на пятьсот шагов. Ты подгонишь к ним резервы — а они подберутся к тебе ночью с другой стороны и снимут офицеров. Это не битва. Это охота. И мы — дичь.

Эрамодон насупился и молчал. У него было лицо человека, который знает, что собеседник прав, но от этого злился только сильнее.

— И что вы собираетесь делать, магистр? — наконец спросил он. На «консул» он больше не сорвался.

— Вот это. — Викс ткнул пальцем в карту, в Нотхерн. — Город пушек. Возьмем его — получим артиллерию. А с артиллерией можно диктовать условия. У нас будет рука подлиннее, чем их кайлаши.

— Но Нотхерн в двух днях марша на северо-восток! — возразил Шан. — Если мы уйдем, кто защитит Мидгард? Дорога на столицу будет открыта...

— Твой гарнизон и защитит, — отрезал Викс. — Конница пойдет на Нотхерн, а ты вернешься к столице.

— А как мы конницей возьмем город? — спросил кто-то.

— Быстро, — парировал Викс. — Пока гарнизон не успел подготовиться к осаде. У нас будет один шанс на штурм. И учтите, что никто не ждет от нас такого шага. Поворачиваться спиной к Лангобарам — это же безумие.

Эрамодон опять смотрел на карту, и Викс видел, как тот примеряет план. Конный марш в сорок лиг. Штурм города. Без осадной техники, без резерва и нормальной разведки.

— А если Лангобары пойдут за нами? — спросил Эрамодон.

Это был последний вопрос, и Викс знал, что ответ должен быть честным.

— Пойдут. Но не сразу. Они не поймут, что мы идем на Северолесье. А когда поймут — нас уже не будет в Нотхерне. И пушек тоже.

— А если не успеем?

— Тогда мы умрем. Но умрем сражаясь и пытаясь победить, а не смирно ожидая своей участи. Предпочитаю сдохнуть с мечом в руке, чем с петлей на шее.

Викс обвел взглядом собравшихся.

— Братья, я не буду врать. Скажу вам как будто Троим на исповеди. Времени сомневаться у нас нет. Они задушат нас числом, если мы дадим им время. Так что выбор простой: рискнуть всем и, может быть, выиграть. Или сидеть и точно проиграть.

Он повернулся к Фесто.

— А ты возьмешь сотню-полторы бойцов. Здоровых и молодых, стариков и больных оставь тут. Двинешься на север, в горные холдинги Северолесья. Не штурмовать. Не лезть на стены. Пришли, постреляли, зажгли стены, ушли. Не нужно побеждать. Только отвлечь и слегка поджарить их. Пусть Северолесье думает, что это подготовка отдельной кампании против них.

Фесто молча кивнул.

Викс перевел взгляд на Эрамодона.

— Ты остаешься здесь с частью ферритов и половиной ополчения. Держишь лагерь, разводишь костры, гоняешь патрули. Играешь в конные догонялки с оптиматами Лангобара в степи. Пусть их шпионы думают, что мы никуда не собираемся.

— А основные силы?

— Основные силы рыцарей — со мной. Конным маршем на Нотхерн. Берем город, грабим арсеналы, оставляем гарнизон — и назад в Мидгард. Если повезет, враги спохватятся, когда мы уже будем за стенами столицы. И с пушками.

Эрамон молчал. Его место в плане — арьергард, не центр. Он стоял на карте как камень, который Викс забрал из своей расстановки и положил в дальний угол. Викс это видел и знал, что Эрамон тоже видит.

— Не беспокойся, Эрамон, — неожиданно мягко сказал Викс. — Твоя конная битва еще будет. Мы завершим эту войну, когда от всадников Лангобара останутся только могилы.

Эрамон быстро взглянул на него и только кивнул. Кажется, он поверил.

— Когда выступаем? — спросил Фесто.

«Вот это правильный вопрос», — одобрительно подумал Викс.

— Ты — завтра, сразу после заутрени. С шумом, с трубами и барабанами. Пусть все видят, как доблестный Орден идет карать лесных еретиков. Я — завтра в тумане. Тихо, без факелов.

В тишине было слышно, как перекликаются часовые.

— Все ясно? — Он обвел взглядом собравшихся. — Отлично. Тогда по местам. Готовьтесь, но тихо. Не хочу, чтобы весь лагерь гудел от слухов.

Командиры начали расходиться. Эрамон уходил последним, уже не глядя на Викса. Викс теперь знал: он сделает все, что приказано. Он остался один. Кости были брошены, оставалось только ждать, как они упадут.

Он подошел к сундуку, достал свой меч. Простой, без украшений клинок — такой же уродливый и функциональный, как сам Викс. На рукояти — царапины, каждая — память об убитом враге. Или друге. В конце концов, какая разница?

Викс провел пальцем по самой старой царапине — ее оставил Одрик Лангобар тогда, у Звезды Порока. Когда они делили сокровища Юга. Лангобар успел вытащить нож. У него была на шесть пальцев фора, но у Викса был меч, и он отразил удар. Когда ферриты разнимали их, Одрик все пытался снова ударить, хотя было уже понятно, что он проиграл. Поэтому теперь Викс был магистром, а Лангобар — мятежником.

Где-то внутри крохотный испуганный Пальчик снова заволновался, что ничего не получится. Викс представил строчку в летописи: «Консул Хелена, узурпатор, правил три месяца, убит пушечным ядром под стенами Нотхерна как последний идиот». Короткая строчка в хрониках. Бывают и короче. Он вздохнул, вложил меч в ножны и пошел к выходу из шатра — посмотреть, как лагерь его армии обустраивается на ночь.

Семья Лангобар XI

Постоялый двор «Хромая лошадь» встретил Томаса запахом мочи, прокисшего пойла и немых тел. Церковь Духа была где-то впереди, но здесь, на подступах к монастырю, не было и следа святости и царили обычная грязь и суета. Томас спрыгнул с телеги, оставив мешок с вещами между тюками — все равно купцы никуда не денутся, а размяться хотелось невыносимо. Он с трудом распрямился — ноги затекли, а задницу он отбил на ухабах, трясаясь в телеге. Было сыро и холодно. Сумку с самым ценным он повесил через плечо и огляделся.

Двор кишел людом. Паломники с выбритыми затылками щеголяли нарисованными углем знаками Трех Богинь — кривые круги и треугольники делали их похожими на сумасшедших. Проститутки в вывернутых наизнанку платьях — старый трюк, чтобы обмануть стражу нравов — облепили крыльцо харчевни. Визгливо смеялись над тупой шуткой какого-то солдата, сюрко которого было таким замызганным, что было непонятно, из какого он отряда. В тени по углам двора маячили фигуры в плащах с глубокими капюшонами. Кто-то спал, а кто-то просто сидел, явно выжидая. Воры? Наемники? Или просто путники, не желающие светить лицами?

— Эй, красавчик! — Костлявая рука с синими татуировками вцепилась в рукав Томаса. — Дай погадаю! Всего три медяка — и узнаешь свою судьбу!

Женщина была страшна как смертный грех. Седые космы торчали из-под грязного платка, беззубый рот улыбался, а глаза... глаза смотрели куда-то мимо, как будто видели то, чего не видят другие.

— Спасибо, не надо. — Томас попытался вырваться, но ее хватка оказалась железной.

— Не надо, говоришь? А я вижу... Вижу! Смерть за тобой ходит, мальчик! По пятам ступает! Беги!

Вторая рука гадалки полезла к его сумке, и Томас наконец понял: обычная карманница, никакая не провидица. Он дернулся, оттолкнул женщину, та взвизгнула и повалилась в грязь.

— Ах ты сучий сын! Обидел старуху!

Со всех сторон загоготали. Кто-то свистнул, кто-то выкрикнул непристойность. Краснея от стыда, Томас ретировался со двора под общий хохот. Старуха некоторое время сидела в грязи и поносила его на чем свет стоит, а затем как ни в чем не бывало вернулась к крыльцу.

Томас проскользнул за ворота, пройдя мимо спящего часового с короткой алебардой. Вокруг харчевни тянулась унылая пустошь. Томас брел наугад, стараясь успокоиться. Вот верстовой камень — на нем криво выбито на орденской латыни: «Ad Ecclesiam Spiritus IV leucaе». Четыре лиги до Церкви Духа. День пути пешком, если знаешь дорогу и не завязнешь в непролазной грязи. Но он дорогу не знал. Вот пустая виселица — слава богам, пока без постояльца. А вот и дощечка на столбе.

Томас прищурился, разбирая корявые буквы:

«Разыскивается опасный преступник, называющий себя Инбар Гапут. Сей душегуб есть один из заговорщиков, кои осмелились пытаться отравить любимого народом и Тремя Великого Магистра Боло, но были раскрыты благодаря прозорливости епископа, консула, провидца и нового Великого Магистра Вика Хелены, да будут Трое осенять его путь и подарят ему легкое правление! За голову упомянутого душегуба назначена честная награда в 50 золотых анимов. Он убил охранников в Церкви Духа и украл гнедую лошадь, а также переодет в доспехи гвардейца».

Пятьдесят золотых! Неплохие деньги. Томас присвистнул, пожалел неизвестного ему Инбара, вляпавшегося в такое дерьмо, да и пошел обратно. Покинуть это место без повозок купцов он все равно не мог, поэтому придется ждать их...

На постоялом дворе что-то изменилось. Томас не сразу сообразил, что именно, а потом с леденящим ужасом осознал: его телеги тут не было. Ни купцов, ни их товара, ни его мешка с вещами.

— Проклятье!

Он метнулся к конюшням — пусто. К воротам — никого. Стражник у входа пожал плечами:

— Уехали твои купцы, малец. Спешили, видать.

Томас сел прямо в грязь. Вот тебе и сын лорда Лангобара. Еще до Мидгарда не доехал, а уже все потерял. Остались только сумка на плече да кошель с жалкими медяками. Как он теперь покажется в Капитуле? Без вещей, без приличной одежды...

— Эй, приятель, чего пригорюнился?

Над ним стоял низенький мужичонка с круглым лицом и хитрыми глазками. Короткие ручки он упер в бока, отчего вид имел одновременно бодрый и придурковатый. Лицо добродушное, улыбка широкая, но что-то в нем настораживало.

— Да так... неприятности.

— А-а-а, эти купцы тебя кинули? Видел я, как они сматывались. Нехорошие люди, ох нехорошие! Но ты не кручинься, все образуется. Веселым Уком меня зовут, к твоим услугам! А тебя как?

— Томас.

— Ты откуда сам будешь, Томас? — тут же поинтересовался Веселый Ук.

— С юга еду, из-за реки, — уклончиво ответил Томас. — Из... — Он хотел было сказать «из замка Жус», но вовремя прикусил язык.

— Из Хельги? — подсказал Веселый Ук, не дождавшись ответа.

— Ага.

— Ну и славно! Вот как славно!

Мужичонка подсел рядом, по-свойски хлопнул по плечу.

— Да ты не бойсь, Томас! Я тут всех знаю, все норы, все ходы-выходы. Следующий караван в Мидгард завтра пойдет. Или через день. Надежные люди, не то что эти твои проходимцы. А я здесь тебе место присмотрю, лучшее! Пару медяков всего — и будет твое. Ну, пошли выпьем бражки за знакомство!

Томас хотел отказаться, но Веселый Ук уже тащил его к дверям харчевни. Один из солдат его окликнул:

— Эй, Ук!

— Че тебе? — с готовностью отозвался Ук.

— Сделай пук! — заорал солдат и загоготал.

Его сосед, уже клевавший носом и почти уронивший кружку с пивом, встрепенулся, начал озираться со зверским выражением на роже, но потом тоже засмеялся вместе со всеми.

Веселый Ук только махнул им рукой и заулыбался еще шире. Он с удвоенным усилием потащил за собой Томаса.

— Не дури, Томас! Угощаю! Первая кружка за мой счет. А там, глядишь, и ты повеселеешь.

Внутри было душно и накурено так, что дым никуда не уходил и просто висел под потолком. Ук усадил Томаса за стол в углу, притащил кружки. Рыжая мутная жидкость пенилась, маня прохладой.

— За встречу! — Ук чокнулся кружкой. — Не везет тебе сегодня, а? Ну, ничего, фортуна — баба переменчивая. Вот смотри!

Он достал из кармана три кубика костей — два обычных и один с картинками вместо точек.

— Знаешь такую игру? Веселая — жуть! «Костяшки» называется. Правила простые, а азарт — ого-го!

Томас покачал головой. В замке Жус в кости не играли, даже оптиматам это не позволялось. Вроде бы после того, как один из них зарезал другого, но Томас тогда был еще мал и плохо это помнил.

— Научу! — Ук весело подмигнул. — Смотри: бросаешь все три, вот так. Складываешь очки с обычных, а картинка дает особый расклад. Ты же умеешь складывать? Молодец, светлая голова! Вот, скажем, выпала тебе единица, единица и Капитан — это «Астрогатор со свитой», сильнейшая игра! А если шестерки с Пустотой — все, пропало твое счастье!

Он бросил кости для примера. Выпало четыре, три и Башня.

— «Осада крепости», неплохо. Давай разок сыграем, на интерес?

Брага уже ударила в голову. На улице сгустился туман, в харчевне становилось все жарче. Томас согласился. Играть было действительно весело, Ук при каждом броске что-то напевал, шутил, пояснял смысл комбинаций. Томас выигрывал, кости сами поворачивались как надо, и мужичок смешно сердился. На столе появилась еще кружка, потом еще.

Томас не заметил, как к ним подсели еще трое. Рябой детина с обломанным ухом, торчащим в сторону, как розовый пельмень, представившийся Красавчиком. Тощий старик в заплятанной стеганой куртке, расшитой странными петельками, — Сухой Пыр. И женщина неопределенного возраста, с лицом, похожим на сморщенное яблоко, — Матушка Гниль.

— Новенький? — оскалился Красавчик. — Люблю новичков, им везет!

Сначала и правда везло. Томас делал бросок за броском, и кости ложились удачно. Веселый Ук кричал что-то ободряющее, Сухой Пыр весомо качал головой, а Красавчик глуповато злился на свою судьбу. «Торговец с караваном» — пять и шесть с Удачей. «Рассвет над морем» — четверки с Рассветом. Кучка медяков перед Томасом росла.

— Ого, да у парня рука легкая! — восхитился в очередной раз Ук.

— Посмотрим, посмотрим, какая у него рука, — прошамкала Матушка Гниль.

А потом удача от него отвернулась. «Падение в бездну» — единицы со Смертью. «Пустой кошель» — тройка, двойка, Пустота. Медяки растаяли, пришлось достать из пояса несколько припрятанных серебряных монет.

— Ставлю три сере... серебряных! — объявил Томас нетвердым голосом.

— Вот это серьезно, — важно ответил Сухой Пыр.

— Настоящий мужик! Эх, мне бы такого муженька лет двадцать назад! — мечтательно протянула Матушка Гниль.

— Гы, — только и сказал Красавчик и потербил свой пельмень на голове.

Томас проиграл. Поставил еще пять — снова проиграл. Голова слегка кружилась, лица расплывались в дыму.

— Все, — выдохнул он, вывернув пустой кошель. — Больше нечего ставить.

— Так не пойдет. Надо отыграться, таков порядок, — весомо заметил Сухой Пыр.

— Как это нечего? — Красавчик ткнул грязным пальцем в его сумку. — А там что?

— Там... там только письмо. От отца. В Капитул.

Пыр тупо уставился на Томаса, а Матушка Гниль сухо сглотнула.

— Ставлю это! Письмо!

— Письмо? — Сухой Пыр чуть отстранился и хищно прищурился. — От лорда? С печатью?

— Такое письмо дорого стоит, — подтвердила Матушка Гниль, мелко кивая. — В Капитуле-то как — за рекомендацию хорошо платят. — Она поразмышляла, ковыряясь пальцем во рту. — Можно подделать, поменять имя, потом продать место какому-нибудь богатею... Пару анимов может стоит письмецо-то...

Они переглянулись. Томас почувствовал, как под столом его колено коснулось сумки. Там, на самом дне, все еще лежал его кайлаш. Вот он, его козырь. На крайний случай.

И крайний случай, похоже, приближался.

— А давайте так, друзья! — медленно произнес Веселый Ук. — Давайте это будет последняя партия. Последний разик — и хватит. Наш друг Томас ставит письмо. Поставишь бумагу, а, Томас? Выиграешь — забереешь все, что на столе. Ну а уж если проиграешь...

— Проиграешь — сам на кон встанешь, — оскалился Красавчик. — А мы уж найдем, как тобой распорядиться.

Матушка Гниль захихикала и погладила Томаса по руке, словно уже знала, как будет им распорядиться. Сухой Пыр молча и важно кивнул.

Томас засунул руку в сумку и нащупал под столом холодную рукоять кайлаша. Пять зарядов — больше в нем не было. Хватит ли? А если промахнется в этой дымной духоте?

— Ну что, играем? — Веселый Ук протянул ему кости. — Иль ты струсил, сынок лорда из Хельги? А может, не из Хельги, а?

* * *

«... и съели его плоть, как это делают дикие звери пустошей. Так погиб Микус, будущий святой, от лап моготов, что жрут плоть людскую и сеют ужас. Слухи же о них таковы: будто моготы суть потомки астроготоров, проклятые за бесовские технологии, и в очах их и поныне светятся видения утраченной Древней Терры. Так писал в годы оны Юдиф Сатта, писарь Лонкобарова дома, муж в науках сведущий, но к правде не всегда верный».

Тири отложила свиток и уставилась в стену, подперев ладонями голову. Она слишком устала и была порядком расстроена. Строчки сплетались между собой, как стежки на ее неумелом вышивании. Она закрыла книгу со вздохом и оглядела комнатнушку. Она сидела на краю узкой койки и смотрела на свои жалкие пожитки. Две смены белья, потертый плащ, пара башмаков с дырявой подошвой. И три книги — вот все ее богатство.

Первую, «Житие добросердечных святых», она даже в руки брать не стала. Скучное и сбивчивое повествование, как проповедь пьяного монаха. Вторая, «О добродетелях благородных дев», была еще хуже. Если судить по ней, то главной добродетелью был взгляд на мир не шире стежка при вышивании. Зато третья...

Тири с любовью провела пальцами по кожаному переплету *Astronomia Planetae Exterioris*. Внутри — черно-белые гравюры небесных сфер, орбиты планет, схемы космических станций, которые Древние когда-то построили меж звезд. Она открыла на любимой странице — там, где изображена астролябия с семью кольцами, каждое из которых соответствует планете. Если верить подписи, такой прибор позволял определить свое место не только на земле, но и среди звезд.

В Утгарде она могла бы изучать такие вещи. Научиться многому — например, алхимии. Превращать одни вещества в другие, вызывать огонь в стеклянном сосуде и маленькие молнии. Говорят, женщин-алхимиков там много — женщины кровью повязаны с тем, что происходит в небесах. Стать темным астроготором, как леди Амиральда, о которой они шептались с Томасом. Читать запретные книги, постигать тайны небес, может, даже когда-нибудь научиться управлять одним из тех кораблей, что Древние оставили ржаветь на орбитах...

Но... ведь тогда они с Томасом окажутся врагами? Он теперь орденский священник, а она, получается, станет еретичкой. Он будет жечь такие книги, а она — прятать их. Он будет проповедовать, что знание — грех, а она — искать это знание любой ценой.

Почему так устроен мир? Почему путь к звездам ведет через костер?

Тири тяжело вздохнула. А как же Соли? Кузина хоть и глупа, но единственная, кто не смеялся над ней за то, что она предпочитает книги вышиванию. А дурачок Лукас? Мальчишка еще совсем витает в облаках и не готов к трудностям. А леди Сайна?

Нет. Не может она их бросить и сбежать. Не сейчас, когда мужчины ушли на войну, а в замке остались одни женщины да старики.

Тири поставила книгу обратно на полку над кроватью и задвинула поглубже. Рано. Тень тут же осела на переплет, словно паутина. Она представила Томаса в монашеской рясе, склонившегося над манускриптом где-то в библиотеке Капитула. Там, говорят, книг больше, чем звезд на небе. Больше, чем она видела за всю жизнь. Больше, чем она может себе представить. Конечно, это не те книги, что ей хотелось бы читать. Но все же это книги.

Интересно, вспоминает ли он о ней? Или уже забыл, погрузившись в молитвы и схоластические споры?

Она легко встала, потянулась и вышла из каморки. Нужно проверить, заперты ли двери кухни — леди Сайна поручила ей это после того случая с пропавшей ветчиной.

Коридор был темным, масляные лампы давно погасли. Только в самом конце в одной еще дрожал еле заметный огонек. Но Тири знала тут каждый камень, каждую щель в полу. Она шла беззвучно — этому научилась еще в детстве, когда пряталась от пьяного дяди. Ступай мягко, перекачивайся с пятки на носок, дыши через нос.

Из-за двери комнатухи Соли донеслись странные звуки. Кого-то выворачивало наизнанку. Дверь не была заперта, и Тири просто легонько толкнула ее. Соли стояла на коленях над ночным горшком, ее светлые волосы прилипли ко лбу.

— Соли? Тебе помочь?

— Уйди! — Кузина обернулась, и Тири увидела ее красные от слез глаза. — Уйди, я сказала!

Но Тири не ушла. Она опустилась рядом, придержала волосы Соли, пока та снова не скрутило.

— Несвежая рыба? — спросила она, когда приступ прошел.

Соли покачала головой и вдруг разрыдалась.

— Я... я беременна, — пробормотала она, быстрыми движениями стирая слезы с лица.

Тири моргнула. Потом еще раз. Соли продолжала тереть лицо, как будто хотела от чего-то избавиться.

— От кого?

Соли молчала. Тири ждала, и эта пауза тянулась дольше, чем нужно было для «не хочу говорить». Наконец Соли подняла опухшие глаза и проговорила, почти шепотом:

— От Эрика.

Эрик.

— Но он же твой...

— Кузен. Я знаю! — Соли в отчаянии закрыла лицо руками. — Знаю, что нельзя! Но он... мы... Это случилось перед тем, как они ушли. Он сказал, что любит меня, что женится, что неважно, что родня, все можно оформить за деньги в Мидгарде...

Тири молчала. Что тут скажешь? Это не самое страшное, что случалось в их семье. Уж не страшнее череды мятежей и предательств, которые привели их в единственный развалившийся замок.

— Отец убьет меня, — простионала Соли. — Леди Сайна... не знаю, как ей сказать...

— За деньги в Капитуле можно получить разрешение на свадьбу хоть с родной сестрой, — не очень уверенно сказала Тири. — Я читала об этом. Стоит как три боевых коня, но если Эрик попросит отца...

— Правда? — Соли подняла на нее полные надежды глаза.

— Правда. А пока... пока никому не говори. Еще какое-то время не будет заметно. К тому времени война закончится, мужчины вернутся, и все наладится.

Соли смотрела на нее долго, и Тири показалось, что та хочет что-то сказать. Что-то важное, такое, что объяснит сразу всё. Но Соли только кивнула и закрыла глаза. Тири помогла ей добраться до постели, принесла воды, подоткнула одеяло.

— Спи. Все наладится. Когда выпишься, тебе станет полегче.

— Тири... — Соли схватила ее за руку. — Спасибо тебе. Ты... ты хорошая.

Тири неловко улыбнулась и выскользнула за дверь. В коридоре было по-прежнему темно и тихо. Только где-то далеко скрипела ставня на ветру.

Она пошла дальше, ступая неслышно, как тень. Кухня, конечно, была заперта — она сама уже проверяла вечером. Но привычка есть привычка.

Интересно, подумала Тири, что бы сказал новопостриженный брат Томас о грехе своей кухни? Прочитировал бы Слово? Хотя нет, тот, старый Томас, который жил здесь в замке и мечтал с ней вместе о звездах, просто поднял бы ее на смех. Он же до смерти не любит Эрика. Сказал бы что-нибудь вроде «Два сапога пара». И презрительно хмыкнул. Или просто покачал головой, как делал всегда, когда не знал, что сказать?

Жаль, что она больше не увидит, как он качает головой. Не услышит его неуверенный смех, за которым он прятал робость. Не будет спорить с ним о том, правда ли, что Шамаш когда-нибудь упадет на землю или, наоборот, Эрра упадет на него.

У каждого своя дорога. Его ведет в монастырь, ее — к звездам.

Если, конечно, она когда-нибудь решится сбежать.

* * *

Двор замка Жус встретил Тири привычной суетой: слуги таскали воду из колодца, конюхи чистили лошадей, кухарки ругались из-за прокисшей солонины. Все как всегда. Все нормально, если бы не эта группа людей у главных ворот.

Леди Сайна стояла перед двумя наемниками-оптиматами, и что-то в их позах заставило Тири замедлить шаг. Костолом — здоровенный ублюдок в потертой броне — опирался на свою алебарду, как на костыль. Беззубый нервно поглаживал приклад арбалета, но его обычно кривая ухмылка сменилась кислой миной.

«Побитые псы, — подумала Тири. — Боги, на них даже смотреть жалко».

— ...он как в воду канул, миледи, — бормотал Костолом. — Клянусь Мегой и Двумя остальными... Я проверил все таверны от креста дорог и до Кривого Моста.

— А Старая Мельница? — строго спросила леди.

— Был... Дошел и до Старой Мельницы. Ни следа.

— А лошадь? Ты же сказал, что был без лошади? — Голос леди Сайны дрожал.

— Пришлось... взять другую на тракте. — Костолом зачем-то нервно облизнул губы. — Хозяин... сначала не хотел продавать.

Беззубый еле слышно хмыкнул, но тут же вернул своему лицу скорбное выражение и мельком взглянул на леди Сайну.

«Значит, убил», — поняла Тири.

— Найдите моего сына. — Голос леди Сайны не дрогнул, но кулаки она сжала так, что побелели костяшки. — Вы понимаете, что он не должен был туда ехать? Это было ошибкой. После мятежа в Мидгарде... Клянусь Тремя, если с Томасом что-то случится...

— Мы найдем гошподина Томаша, — пробормотал Беззубый, но в его голосе не чувствовалось уверенности.

Костолом мрачно стоял молча. У Тири закружилась голова. Томас не в Капитуле. Томас вообще неизвестно где. Он пропал. Где-то там, на этих дорогах, затопленных грязью. Ее люби-

мый брат, единственный человек в этом проклятом замке, с которым можно было поговорить о чем-то, кроме лошадей и сплетен...

— Ха! Получи, мерзавец!

Позади леди Сайны и оптиматов дурачок Лукас, нацепивший маленький ему уже детский доспех, с воплем налетел на учебный манекен, лупя его деревянным мечом. На манекен был нацеплен старый доспех, помятый и проржавевший. Мальчишка прыгал вокруг, размахивая своим игрушечным мечом и выкрикивая боевые кличи.

— Я лорд Лукас Драконобой! Умри же, чудовище!

Тири взглянула на него с горечью. Ее двоюродный брат все еще жил в своем мире, где добро всегда побеждало зло, а герой не может быть предателем. В его мире принцессы не блюют, потому что забеременели от братца, а люди не пропадают на дорогах. Реальность — пропавший Томас, бледная от страха леди Сайна, мрачный Костолом — его не касалась.

— Лукас, прекрати, ты уже не маленький! — сердито буркнула она.

— Не мешай! — огрызнулся мальчишка, нанося манекену очередной удар. — Я тренируюсь! Когда вырасту, я стану величайшим рыцарем Конкордии!

Тири отвернулась. Она не стала говорить Лукасу, что он уже вырос.

* * *

Она проснулась внезапно. Несколько часов беспокойного сна — и снова вечные сумерки под немигающим взглядом Шамаша. Кошмар, который только что заставил ее испуганно вскрикнуть, медленно растворялся и уползал куда-то глубоко внутрь. Тири лежала на своей жесткой койке, считая удары сердца. Сон не возвращался — перед глазами стояли лицо леди Сайны, искаженное страхом, угрюмый Костолом и невеселый Беззубый.

В коридоре за дверью раздался скрип.

Она замерла. Это был не обычный треск рассыхающегося дерева и не потусторонние звуки сквозняка, гулявшего по закоулкам Жуса. Скрипнула половица, придавленная чьей-то ногой. Кто-то крался по коридору, стараясь не шуметь. Обычный человек бы не услышал, но Тири с детства училась различать звуки в этих коридорах и галереях, где она выросла.

Ее босые ноги коснулись холодного пола. Она чуть приоткрыла дверь — в конце перехода мелькнул отблеск свечи. Фигура в плаще скользила по каменным плитам так тихо, словно парила над полом.

«Кто это там, черт возьми?»

Страх боролся с любопытством. И любопытство, как всегда, победило. Тири нацепила мягкие кожаные башмаки, выскользнула из комнатки и двинулась следом, стараясь держаться в тени. Таинственного гостя она догнала довольно быстро. Фигура свернула в старую галерею, где портреты давно умерших представителей семейства Лангобар смотрели из тьмы пустыми глазами. Тири взглянула на них лишь мельком, боясь потерять свою цель. В темноте суровые предки в броне Древности всегда внушали ей суеверный страх.

«Так просто от меня не скроешься...»

И вдруг фигура исчезла. Она просто растворилась между двумя гобеленами. Тири подкралась ближе и обнаружила узкий проход в стене, где раньше стоял стеллаж со старыми кубками. Воздух из него тянул сыростью и гнилью.

«Не лезь туда, — говорил голос разума. — Это не твое дело».

Она полезла.

Ход был узким и скользким. Стены покрывала склизкая плесень, под ногами что-то хрустело. Жуки? Кости мелких животных? Тири стиснула зубы и двигалась вперед, ориентируясь на слабый свет впереди.

Наконец она выбралась наружу. Туман окутывал все вокруг молочной пеленой. Кривая тропинка вела куда-то вниз, петляя между холмами. Фигура в плаще мелькала впереди, то исчезая, то появляясь вновь.

Тропинка вывела к развилке дорог. Посреди торчала виселица — старая и почерневшая. На ней болтался скелет, вернее, то, что от него осталось. Вся нижняя часть была объедена — не осталось ни ног, ни таза, только ребра да череп с пустыми глазницами.

Фигура вначале остановилась под виселицей, а затем растворилась. Исчезла в тумане, словно ее и не было. Тири некоторое время постояла, ожидая, а затем подошла к виселице поближе. Никаких следов призрачной фигуры тут не было. Вдруг что-то мелькнуло на периферии зрения, как будто туман с той стороны вдруг стал более плотным.

— Что за...

Внезапный удар сбоку швырнул ее на землю. Тири вскрикнула, но чья-то рука плотно зажала ей рот. Над ней нависло женское лицо — бледное, с горящими глазами. Лезвие кинжала блеснуло в занесенной руке.

— Нет! — выдохнула Тири сквозь пальцы. Получился не крик, а писк.

Рука нападавшей дрогнула. Ее глаза расширились. Она узнала Тири.

— Тири? — прошептала женщина.

Тири тоже узнала ее. Кора. Наложница Одрика. Вечно молчаливая, вечно покорная Кора. Только сейчас она совсем не походила на забитую девушку откуда-то с восточных островов. Ее движения были уверенными и резкими, хватка — железной, а в глазах плясали дикие огоньки.

— Тихо. — Кора прижала палец к губам. — Ни звука.

Она прислушалась, не отпуская Тири и не убирая кинжал. Та лежала в грязи, боясь пошевелиться. Мир перевернулся: тихая Кора с кинжалом, ночные вылазки, растворяющиеся в тумане фигуры...

Фыркание. Чавканье копыт в грязи.

Из тумана выехал всадник. Конь сделал еще несколько шагов, и они его узнали. Костолом в броне, но без своего шлема. Кровь запеклась на лбу, превратив половину лица в бурую маску. Он осадил коня и уставился на них сверху.

— Кто здесь? — мрачно спросил Костолом, уже держа руку на своем пистолете.

Кора вскочила, ловко спрятав кинжал в складках. Тири поднялась на локтях, но так и осталась сидеть в луже, не в силах встать.

— Госпожа вышла погулять, а я ее сопровождаю... — сказала Кора чуть громче, чем следовало.

Она чуть повернулась и пристально взглянула на Тири. Это уже снова была прежняя Кора.

— Я нашел Томаса, — сказал Костолом.

Его голос был мертвым, как у висельника над их головами.

Война II

Тяжелые белые хоругви с фиолетовой монограммой стояли в неподвижном воздухе лагеря, как степные деревья. Одрик Лангобар смотрел на них и думал, что после взятия Мидгарда надо будет заказать новые — с золотыми нитями. А лучше вообще из золотой ткани. Почему бы и нет? Скоро у них будет достаточно золота, чтобы подтирать им задницу.

Лагерь под Хельги раскинулся на добрую лигу — море палаток, коновязей, повозок с провиантом. Дым от сотен костров поднимался к затянутому пылевой вуалью небу, смешиваясь с вечной мглой. Одрик шагал между рядами, и солдаты расступались перед ним, кланялись, салютовали. Он иногда милостиво кивал в ответ.

«Тут, наверно, почти тысяча мечей, — думал он с удовлетворением. — А у Пальчика сколько?»

Откуда-то из-за границ лагеря доносился треск мушкетов — это пришедшие на помощь утгардцы опять стреляли. Они стреляли столько, что как будто у них был бесконечный порох. Они уже перебили всех ворон на помойках вокруг лагеря и теперь занимались истреблением всего, что летает в окрестностях. Но эта стрельба была музыкой для ушей — лучшие стрелки побережья тоже в их армии. Все-таки Карум не подвел и прислал часть своих людей.

Командирский шатер он приметил издали, тот стоял на пригорке — огромный, с тремя пиками, больше похожий на походный дворец. Бриан всегда любил комфорт, даже последние годы в Жусе его не отучили. Старший братец вообще любил все, что подчеркивало его статус. Жаль, но статус без яиц — это как меч без лезвия. Красиво, но бесполезно.

Стража у входа — два рослых феррита-отступника в черных плащах — отсалютовала Одрику сверкнувшими мечами. Одрик кивнул и прошел под откинутый полог в полутьму шатра.

Внутри было жарко от жаровен и душно от благовоний. Бриан сидел в походном кресле — массивном, резном, таком тяжелом, что для его перевозки требовалась отдельная повозка. Это было уже не кресло командующего, а небольшой трон. На столе перед ним — карты, письма, счета. Всегда эти чертовы счета. Старший брат вел войну как торговую сделку — мелочно подсчитывая каждый грош.

— А, Одрик. — Бриан поднял голову от бумаг. — Ты как раз вовремя. Присаживайся.

Одрик плюхнулся на скамью. Плеснул себе вина из кувшина, не дожидаясь, пока придет слуга.

— Ну что, братец, уже готов делить шкуру неубитого лысача? — спросил он с ухмылкой. Бриан быстро взглянул на него и поморщился.

— Плохая примета — делить то, что еще не наше, — сухо ответил он. — Но да, нам стоит обсудить... распределение будущих долей.

«Долей, — фыркнул про себя Одрик. — Он даже грабеж не может назвать грабежом».

— Слушай меня, братец. У меня есть план, и он простой. Прямой удар на Мидгард. Быстрый марш, пока Пальчик трясется в своем лагере под Фрейром. Трое суток — и мы у стен столицы. Орденские крысы не успеют к своей литургии нарядиться, как мы войну уже выиграли.

— А Тас-Хас? Мельтеры должны идти с нами. У них полторы тысячи мечей.

— К черту этого старого придурка! — Одрик ударил кулаком по столу. — Тас-Хас же трус, даром что бак-хед. Он будет тащиться со своими пушками как слизень. Пока он доползет, мы уже возьмем город.

— И всю добычу, — понимающе кивнул Бриан. — Ты хочешь обойти союзника.

— Я хочу победить, пока Пальчик не успел подготовиться. А если при этом нам не придется делиться с мельтерами — так тем лучше. Что-то они на юге не спешили с нами делиться,

помнишь? Вот пусть и идут через Город Всех Святых. Дорога длиннее, зато надежнее для обоза с пушками. Тас-Хасу понравится идея.

Бриан откинулся в кресле, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику.

— Сколько у нас всего мечей, ты помнишь?

Одрик пожал плечами. Точные цифры всегда были по части старшего брата.

Бриан взял один из листов, пробежал глазами колонки. Он явно уже читал этот реестр не один раз, но сейчас с расстановкой начал повторять, смакуя каждое слово:

— Двадцать девять оптиматов под командованием Грима. Сто двадцать рыцарей в полном вооружении и на тяжелых лошадях — лучшие бойцы. Двести переметнувшихся от Ордена конных ферритов с арбалетами, четыреста восемьдесят шесть стрелков с длинными мушкетами, триста восемьдесят копейщиков и сколько-то там прочей пехоты. Плюс мелкие отряды. Итого — тысяча двести девять человек под нашими знаменами.

— Тысяча двести девять, — повторил Одрик, катая на языке цифру, как сладкую виноградину.

— А у Пальчика, — продолжил Бриан, — не больше четырех сотен всадников. Да городское ополчение Мидгарда — от силы человек триста, не больше. Горожане с копьями, обученные за пару месяцев. Лавочники всякие, башмачники...

Одрик расхохотался.

— Ха, золотари и лавочники против наших ветеранов! Это будет не битва, а резня. Помнишь, как мы разделили тот отряд южан под Мезальдесом? Кровавое месиво за четверть часа.

— Не стоит недооценивать противника, — предостерег Бриан, но без особой убежденности. — И это было два десятка лет назад...

— Противника? — Одрик презрительно скривился. — Так называют равного по силам. А Хелена — выскочка, вскочивший на трон случайно. Старик Боло издох, не оставив завещания, а этот прохвост оказался рядом. Торговец, инквизитор, интриган — кем он только не был. Но воином — никогда.

— И все же он держит власть уже три месяца.

— Потому что там все слабаки в этом Мидгарде. Никто не удосужился его скинуть! Да и некогда было. Мы собирали войска. Тас-Хас оплакивал сына. А теперь... — Одрик сделал глоток вина. — Теперь пришло время прибрать к рукам то, что плохо лежит.

Бриан задумчиво крутил между пальцами перо.

— Допустим, мы берем Мидгард. Что дальше? Как делим... трофеи?

«Вот опять мы пришли к сути», — подумал Одрик. Жадность старшего братца была единственной страстью, способной пробить его напускное благородство.

— Я думал об этом, — сказал он. — Раз уж я веду авангард и мои люди первыми прольют кровь, было бы справедливо...

— Пятьдесят на пятьдесят, — перебил Бриан. — Как мы всегда делили. Мы же братья, Одрик.

«Братья, — мысленно фыркнул младший Лангобар. — Когда надо делить риск — мы братья. А когда я предлагал отобрать у мельтеров всю казну Юга, что ты мне ответил?»

— Конечно, братец, — вслух сказал он. — Пятьдесят на пятьдесят. Но я хочу право первого выбора на квартал мастеров по золоту. У меня есть... планы на эти мастерские.

— Квартал золотых мастеров? — Бриан прищурился. — Это один из самых богатых.

— Ну так я же поведу атаку. Риск должен вознаграждаться. Так правильно. — Так они препирались еще с четверть часа, деля столицу. Квартал оружейников — Бриану. Рынок пряностей — Одрику. Орденская казна — пополам, но младший брат получает право первым отобрать три предмета из реликвария. Как два пса, грызущихся над костью, которую еще не добыли. Наконец Одрик подытожил:

— Все, хватит считать золотые яйца в заднице у курицы, которая еще бежит! Так что? Идем прямо на Мидгард, без мельтеров?

Бриан помолчал. Потом постучал пером по карте.

— Послушаем командиров. Если Грим не возразит — пойдем так. А если возразит — будем думать.

— Грим всегда возражает, — фыркнул Одрик. — Он же как старая баба.

— Грим — опытный командир.

— Я это с детства слышу! Грим как старая баба и боится каждого холма в степи.

Бриан только пожал плечами и снова склонился над бумагами.

Одрик встал, потянулся, бросил последний взгляд на карту. Мидгард был совсем близко, рукой подать.

— Через час совет?

— Через час.

Одрик вышел. Снаружи опять трещали мушкеты — утгардцы добивали последних ворон в окрестностях. Над лагерем поднимался ветер. Белые хоругви с фиолетовой монограммой медленно и важно раскачивались.

* * *

Грим Кривой вошел на совет командиров первым — невысокий и грузный, с левым глазом, вечно косящим куда-то вбок. За ним следом втащился Юле — тощий, как жердь, командир копейщиков, со скорбным лицом человека, страдающего хроническим поносом. Каррас, щеголеватый офицер из бывших орденцев и командир ферритов, был в разведке и не смог подойти.

— Милорды. — Грим поклонился, умудряясь посмотреть одним глазом на Бриана, другим — на карту.

— Садитесь, друзья. — Бриан изобразил радушного хозяина. — Вина?

— Благодарствую, не откажусь. — Грим плюхнулся на скамью. Юле пристроился рядом, нервно теребя ремень портупей.

Подскочивший ординарец из оруженосцев налил вина командирам и обоим Лангобарам.

— Благодарствую, — повторил Грим. — Много всадников из-за реки удалось забрать? — Он быстро глянул здоровым глазом на Одрика.

— Да, мы как раз это обсуждали. Немного — полсотни. Но хороших. И еще сотня отличных лошадей.

Бриан поднял кубок:

— За скорую победу!

— За победу, — откликнулись остальные.

Выпили. Юле, как обычно, закашлялся.

— Итак, друзья, — начал Бриан, — мы собрали вас обсудить план наступления на Мидгард. Одрик предлагает прямой марш, без мельтеров. Мельтеры пойдут западной дорогой, через Город Всех Святых.

Повисла тишина. Грим медленно выпрямился, его кривой глаз теперь смотрел куда-то в пол.

— Другой дорогой? — переспросил он. — Это добавит им трое суток пути. Может, и побольше — с их пушками.

— Именно, — кивнул Одрик. — Зато дорога там лучше. Для тяжелых орудий самое то.

— Но мы же разделим силы, — подал голос Юле. — Полторы тысячи мельтеров...

— Нам не нужны полторы тысячи мельтеров, чтобы раздавить жалкую кучку прихвостней узурпатора! — рявкнул Одрик. — У нас тысяча двести отборных воинов против его четырехсот оборванцев!

— С ферритами и дисциплинированной орденской пехотой, — упрямо возразил Юле. — И не забывайте про гарнизон Мидгарда.

— Гарнизон? — Одрик расхохотался. — Триста крестьян с копьями? Мои рыцари разнесут их как ветер сухие листья!

Грим не вмешивался. Он медленно тянул вино, глядя в кубок. Бриан это заметил.

— Грим, — сказал он. — А ты что думаешь?

Грим поставил кубок. Поднялся. Подошел к карте, оперся обеими руками. Его здоровый глаз уставился на Бриана.

— План быстрый, милорды. Это плюс. Минус — мельтеры подспеют на четвертые сутки в лучшем случае. Если мы возьмем Мидгард с лету, как лорд Одрик говорит, — это не важно. Если не возьмем — мы стоим под стенами, без пушек, и Пальчик жжет нам задницу, то есть наш обоз.

— Не возьмем с лету? — Одрик прищурился. — Ты что, в нашу победу не веришь, Грим? Мы не будем, как ты под Золотыми воротами, чухаться год...

— Я верю в то, что вижу, — спокойно ответил Грим. — А я видел Вика под Мезальдесом, когда он был еще легатом. У него есть военный опыт. И он не дурак, милорд. Он не выйдет к нам в чистое поле, и стен с лету мы не возьмем. У него три месяца было. Стены уж он подготовил.

— Допустим, — медленно сказал Бриан. — Что предлагаешь?

— Половину оптиматов выдвинуть вперед. Шестнадцать человек, под Желтым Карой. Они идут в полудне марша от мельтеров — связь, разведка, прикрытие фланга. Если что-то пойдет не так — у нас рука. Тас-Хас не оторвется от нас, мы не оторвемся от Тас-Хаса. Это все, чего я прошу.

Одрик уставился на Грима. Потом — на Бриана.

— Половина моих оптиматов? — переспросил он.

— Половина останется, милорд, — мягко поправил Грим. — Желтый Кара — лучший разведчик.

— Половина оптиматов уйдет болтаться в степи, мы будем топтаться и ждать Тас-Хаса? — Одрик повысил голос. — Грим, ты что? Я должен стоять на месте, потому что эти синие задницы тащат свои чертовы пушки?

— У нас останется тринадцать оптиматов. Этого хватит на разведку и на прикрытие тыла. Зато мы будем действовать согласованно и иметь преимущество в числе.

— Преимущество и так есть! — Одрик ударил по карте. — Я не буду трусить и ждать! Когда Тас-Хас придет, мы уже будем в городе! Пьяные и богатые!

— Если возьмем его с лету, — терпеливо повторил Грим.

В шатре стало очень тихо. Бриан смотрел на карту, не поднимая глаз. Юле смотрел в свой кубок. Грим стоял у стола, опираясь руками. Одрик стоял напротив него, и было слышно его дыхание.

— Бриан, — сказал Одрик, не оборачиваясь к брату. — Я прошу тебя как старшего. Решай.

Бриан молчал еще секунду. Потом кивнул, не поднимая глаз.

— Идем так, как предложил Одрик. Все оптиматы с нами. Мельтеры идут отдельным маршрутом. Грим, твой план хорош на бумаге, но он замедляет нас на сутки. Эти сутки сейчас стоят дороже шестнадцати оптиматов.

Грим помолчал. Потом коротко поклонился.

— Как прикажете, милорд.

Он сел. Взял кубок. Допил вино одним глотком.

— Мои оптиматы будут готовы, — сказал он ровно. — Двадцать девять лучших стрелков к вашим услугам.

— Вот это правильный настрой! — Одрик хлопнул его по плечу. — А ты, Юле? Твои копейщики готовы к славе?

— Всегда готовы, милорд, — буркнул тощий командир.

— Тогда по местам! Приободрите людей. Выступаем, как следующий туман сойдет.

Командиры поднялись, поклонились и направились к выходу. У полога Грим обернулся:

— Милорды, последний вопрос. Что делать с пленными? Если Пальчик сдастся...

— Пальчик не сдастся, — уверенно заявил Одрик. — Крысы не сдаются. Они бегут илидохнут. А если кто из его прихвостней захочет сохранить жизнь — что ж, выкуп никогда не помешает.

Грим кивнул и вышел. Юле поспешил за ним.

Братья остались вдвоем.

— Старая баба, — проворчал Одрик. — Я же говорил.

— Он опытный, — заметил Бриан. — Это не всегда плохо.

— Опытный? Он предлагал отдать половину наших стрелков мельтерам! Тас-Хас был бы счастлив. Он бы их обнял и принял как родных.

— Грим не Тас-Хасу их предлагал. Он связь предлагал.

— А получилось бы — связь через оптиматов на крючке у мельтеров. Я же знаю Желтого Кару. Он бы у Тас-Хаса под рукой и остался. Ну да ладно. Решено — значит, решено.

Бриан ничего не ответил. В голове у него стучала одна мысль: Грим возражал серьезно. И возражал за дело. И он, Бриан, его не послушал — потому что брат смотрел в спину и ждал.

Дороги расходились — одна вела мельтеров длинным путем через Город Всех Святых, другая несла братьев Лангобаров прямо к стенам Мидгарда.

* * *

Полог шатра откинулся, впуская вместе с туманным воздухом запах мокрой земли и конского навоза. Вестовой — молодой феррит с грязными пятнами на плаще — тяжело дышал.

— Милорды, — выдохнул он, сгибаясь в поклоне.

— Говори, — приказал Бриан, не отрываясь от карты.

— Отряд лорда Гриммельди отстал. Около трехсот человек. Проблемы с обозом — сломалось несколько повозок на переправе.

Одрик, который разглядывал свой меч, даже не поднял головы.

— И что?

— Они просят задержать выступление, милорд. Или выслать им помощь для починки телег...

— Пусть догоняют, — отрезал Одрик. — У нас нет времени ждать каждого растяпу, который не может справиться с парой сломанных колес.

Вестовой переминался с ноги на ногу, явно желая что-то добавить.

— Что еще? — раздраженно спросил Бриан.

— Лорд Гриммельди передает, что среди отставших восемьдесят мушкетеров и два десятка рыцарей...

— Плевать! — Одрик наконец оторвался от созерцания клинка. — У нас и без них хватит сил растоптать Пальчика. Передай Гриммельди — пусть быстрее чинит свои повозки и догоняет. Если, конечно, хочет успеть к дележу добычи. Мы не будем ждать.

— Но милорд...

— Ты глухой или тупой? — рявкнул младший Лангобар. — Проваливай!

Вестовой поклонился и поспешно ретировался.

— Триста воинов, — задумчиво произнес Бриан. — Это четверть наших сил.

— Это триста лишних ртов, которые надо кормить, — парировал Одрик. — И шестьсот лишних рук, которые будут тянуться к добыче. Нам и без них хватит. Девятьсот против четырехсот — все еще более чем достаточно.

— Если у Пальчика действительно четыреста...

— Да хоть шестьсот! Хоть восемьсот! — Одрик вскочил и принялся расхаживать по шатру. — Они все равно побегут как зайцы, когда увидят наши знамена. Какой-то святоша на троне! Книжный червяк, возомнивший себя полководцем! Эх, жаль я его тогда на юге не прирезал! Сейчас было бы проще...

Он остановился у стойки с оружием, провел пальцем по лезвию алебарды.

— Знаешь, что я думаю? Гриммельди специально отстал. Старый лис учуял легкую добычу и решил появиться, когда мы уже все сделаем. Типичный стервятник — прилетает к накрытому пиру.

— Возможно, — согласился Бриан. В словах брата был смысл. Гриммельди славился своей хитростью и нежеланием рисковать без нужды.

— Вот увидишь, — продолжал Одрик, — как только мы возьмем Мидгард, он чудесным образом починит свои повозки и примчится за своей долей. Но хрен ему, а не равная доля! Отставшие получают объедки!

Одрик прошелся по шатру еще раз. В лагере снаружи слышались крики, лай собак — кто-то вел свору на привязи. Одрик остановился. На его лице расплылась улыбка.

— Кстати, о добыче. Грим вчера упоминал кое-что интересное.

— Что именно?

— Во время вчерашнего налета его парни видели зверя. Большого ходуна в пустошах восточнее лагеря. Грим говорит — с такими рогами, что ими хоть ворота тарань.

Бриан поднял бровь.

— И?

— И я думаю устроить охоту! Мне нужно проветриться, братец. Я тут с ума сойду от твоих счетов и от Гримова занудства. Представь: въезжаем в Мидгард, а на пиках — голова этого красавца! Пустошный ходун! Красота!

— Одрик, у нас завтра выступление...

— Вот именно! Завтра! А сегодня еще полдня впереди. Соберу десяток лучших всадников, травлю зверя, и к следующему туману вернемся с добычей. Заодно и ребятам развлечение — скучно же сидеть в лагере!

— Это необдуманно, — покачал головой Бриан. — Рисковать перед походом...

— Какой риск? — фыркнул Одрик. — От ходуна? Или ты думаешь, Пальчик прячется в кустах в трех лигах от нашего лагеря?

Он схватил с оружейной стойки свой охотничий рог.

— Решено! На охоту! А вечером закатим пир. Отметим будущую победу жареным мясом и добрым вином!

— Одрик...

— Что, братец? Опять будешь нудеть про осторожность? — Младший Лангобар подошел к Бриану, положил руку ему на плечо. — Расслабься. Через три дня мы будем купаться в золоте. А пока... Пока давай хоть немного повеселимся. Война — это не только кровь и дерьмо. Это еще и предвкушение добычи, азарт погони!

Бриан вздохнул. Спорить с братом в таком настроении было все равно что пытаться остановить бешеного ходуна.

— Хорошо. Но возьми достаточно людей. И не уходите далеко.

— Не волнуйся, мамочка! — Одрик расхохотался. — Я еще не готов сдохнуть от копыта какого-то ходуна!

Он направился к выходу, на ходу крича:

— Эй, кто-нибудь! Позовите конюшего! И скажите Дагу и его парням — собираемся на охоту! Кто первым нападет на след того ходуна, получит золотой из моего кармана!

У самого полога Одрик обернулся.

— Кстати, если все-таки ходун меня копытом пришибет, передай Сайне, что я ей кланяюсь.

Он подмигнул и вышел.

Бриан остался стоять у стола. Голос Одрика удалялся, но он еще долго слышал крики и смех — весть о новой охоте лорда быстро разносилась по лагерю.

Он подошел к карте, изучая маршрут предстоящего похода. Трое суток до Мидгарда. Трое суток, которые решат все.

«Девятьсот мечей, — подумал он. — Без отряда Гриммельди. Все еще больше, чем у Пальчика. Но...»

Но что-то тревожило его. Может, легкость, с которой все складывалось? Слишком гладко. В его жизни, когда что-то выглядело слишком хорошо, обычно это означало подвох.

Снаружи уже раздался отдаленный звук охотничьего рога — Одрик созывал своих ловчих. Потом — топот копыт, лай собак, возбужденные крики всадников. А солдаты поближе к шатру уже затянули свою любимую песню.

«Пусть развлекается, — решил Бриан. — В конце концов, он прав. Война — это не только планы и подсчеты. Это еще и...»

И что? Слава? Добыча? Власть?

Он налил себе вина, пригубил. Кислое. Утгардская кислятина.

Топот копыт удалялся. Охотничья партия отправилась за своей добычей.

— За победу, — пробормотал Бриан, поднимая кубок. — И пусть Трое смиростивятся над дураками.

В командирском шатре было тихо. Только ветер шелестел картами на столе. Белые знамена с фиолетовой монограммой висели неподвижно, ожидая завтрашнего марша.

* * *

Лагерь жил. Перед выступлением лагерь никогда не спит — он бурлит, как котел на медленном огне. Стучали молотки, ржали кони, звенело железо. Кто-то ругался у коновязи, кто-то пел, кто-то тащил ящик с болтами, спотыкаясь о растяжки шатров.

Бриан Лангобар, Бич Моготов, повелитель восточных земель, стоял у входа в командирский шатер и слушал свою армию. Почти тысяча мечей звучала как тысяча сверчков. Каждый сам по себе, каждый со своей песней.

Он неторопливо пошел по лагерю. Без охраны, в простом плаще. Старая привычка: перед битвой командир должен знать, чем дышат его люди. Отец так учил. Отец много чему научил, прежде чем его застрелили из арбалета в спину на переправе.

У ближайшего костра сидели копейщики Юле, тощие и голодные, с лицами людей, привыкших всегда ждать худшего — от своих или чужих. Один из них правил наконечник, водя камнем по тусклому железу с монотонностью дождя.

— Сердце что-то тянет, — сказал он и отложил правило.

— Слышал, выходим как туман сойдет, — ответил другой. — Слышал?

— Слышали. На большой город идем, — вставил кто-то еще.

— Мидгард, — повторил первый, пробуя слово на вкус. — Говорят, там золота — как дерьма в выгребной яме.

— Кому золото, а кому и дерьмо. Всадникам — первое, нам — второе. Как всегда.

— А Быстрый Одри обещал каждому по три золотых из орденской казны.

— Одри всегда обещает... Одри добрый. Одри-то не жмот, как старшой.

Бриан остановился и замер в тени.

— Это да... Быстрый Одри! — Третий копейщик, которого Бриан не разглядел в темноте, затянул нараспев: — Быстрый Одри скачет лихо, на коне летит как вихорь, а за ним жена бежит: «На-ка, милый, ты забыл...»

Хохот. Грубый, солдатский, от которого заржали даже кони. Кто-то подхватил, кто-то добавил куплет похабнее.

Бриан развернулся и пошел прочь.

Быстрый Одри. Так его зовут в войсках. Младшего братца, весельчака, душу компании, который знает по имени каждого сержанта и хлопает по плечу каждого ветерана. Бриан — это «старшой». Бриан — это «лорд». Бриан — это тот, кто считает монеты и хмурится над картами. Его они уважают и терпят. А Одрика они любят.

Разница как между крышей и очагом. Под крышей укрываются от дождя. К очагу тянутся, чтобы согреться.

Он вернулся в шатер. Тихо, темно, жаровни уже догорают. На столе — карты, бумаги, счета. Всегда эти проклятые счета. Одрик никогда ничего не считал. Одрик тратил. Щедро, широко, с размахом, от которого казначеи его легиона седели. Но солдаты любят щедрых командиров. Солдаты не думают о том, чьи деньги им раздаются, — они помнят только руку, которая дает. Как псы.

Бриан сел в походное кресло. Налил вина. Руки двигались сами — привычный ритуал усталости.

И тут он заметил.

На столе, среди бумаг, там, где сегодня сидел Одрик, — блестящая вещица. Не его. Маленькая серебряная брошь с гербовым оттиском: вытянутый, похожий на колонну звездный корабль Древних и три звезды. Герб Лангобаров. Он сам заказывал ее у ювелира в Хельги на их третью годовщину. Его подарок Сайне.

Брошь лежала среди бумаг там, где сегодня сидел Одрик. Среди карт, записок, его чертовых схем будущей кампании.

Он взял брошь в руки. Серебро холодное, тяжелее, чем кажется. Застежка чуть погнута — как будто срывали второпях, а потом забыли. Или выронили. Или не заметили — потому что спешили.

Мысль пришла не сразу. Сначала — пустота. Белая, гулкая, как зал после того, как все оттуда ушли. Потом — образы. Один за другим, четко и безжалостно.

Сайна, которая не хотела, чтобы он уходил на войну. «Останься, Бриан. Пожалуйста. Останься». Глаза мокрые, губы дрожат. Он списал на страх за мужа. А может, она боялась остаться одна? Или... не одна?

Одрик, который слишком часто задерживался в Жусе. «Дела, брат. Надо проверить укрепления дома». Какие там укрепления? Замок стоял двести лет и простоит еще столько же.

Вещие сны Сайны. Она кричала по ночам. Он просыпался, тряс ее за плечи: «Что? Что ты видишь?» Она отвечала путано, недоговаривая. Но имена... Он ведь слышал разные имена, которые она выкрикивала сквозь сон. Списывал на бред. На духов Сумрака. На что угодно, лишь бы не думать.

И подмигивание Одрика на выходе. Вот теперь оно встало на место. «Передай Сайне, что я ей кланяюсь». Брат не мог удержаться. Брат всегда не мог удержаться от того, чтобы не подмигнуть, когда выигрывал.

Теперь он понимал.

Брошь лежала на ладони — маленькая, серебряная и такая обычная. Стоила пару золотых, не больше. Но для Бриана она сейчас весила как надгробный камень.

Он поставил кубок на стол. Вино не помогало. Ничего не помогало.

Он подумал о Томасе. Мальчишка наверняка видел все и знал. Бриан теперь понимал его взгляд — молчаливый и оценивающий. Может, поэтому его и тянуло прочь из Жуса — не в Мидгард, не к Ордену, а просто прочь. От дома, где стены пропитаны ложью.

А Лукас? Дурачок с деревянным мечом. Понимает ли?

Нет. Лукас пока не понимает. И это хорошо.

Бриан аккуратно положил брошь обратно на стол. Пусть Одрик сам заберет ее. Пусть она лежит. Пусть братец обнаружит, когда вернется в шатер после охоты. Или не обнаружит — ему ведь плевать на мелочи, Быстрому Одри.

«Быстрый Одри скачет лихо...»

Проклятая песня. Он будет слышать ее до самого конца этого похода.

Снаружи началась перекличка. Смена караулов. Кто-то споткнулся, разразился руганью, и что-то с грохотом покатилося между шатрами. Ругались уже трое одновременно и на трех разных диалектах.

Бриан закрыл глаза. Не для сна — для темноты. Он так устал в этом сумраке, что хотел темноты. Иногда темнота — единственное честное, что осталось.

Он ведет армию на войну. Брат спит с его женой. Сын пропал. Замок без защиты, с больной Сайной, с детьми, с прислугой, которая разбежится при первом слухе о поражении. А он сидит здесь, в темном шатре, с серебряной брошью на столе и кислым вином в кубке.

Зачем?

Этот вопрос не имел ответа. Или имел, но такой, от которого лучше не становилось. Потому что так заведено. Потому что если начал — значит, надо закончить. Так учил мертвый отец. Потому что тысяча человек ждут приказа, и если он не даст его — они найдут другого. Потому что Лангобары не отступают. Потому что отец не отступал, и дед не отступал, и прадед — и так до тех времен, когда люди только пришли покорить этот мир.

Двадцать лет он старался забыть лицо Илли, умершей в родах Эрика. Теперь он будет стараться проделать этот трюк и с Сайной.

Славная традиция. Не отступать и сдохнуть.

Рог запел, и сон рассеялся как туман. Бриан открыл глаза. Брошь все еще лежала на столе.

Капитан Фортуна I

Конь фыркнул, когда всадник спешил. Гнедая кляча, не особенно мощная, но явно выносливая — такие идут, когда породистые сдыхают. Закутанный в плащ всадник швырнул поводья конюху, тощему пареньку с гноющимися глазами. Лица его из-под массивного капюшона не было видно.

— Расседлай. Накорми. Помой. — Монета полетела в грязь. — И чтоб он весь блестел, ясно?

Конюх, мелко моргая, подобрал медяк, попробовал на зуб — настоящий. Кивнул торопливо. Всадник решительно направился в сторону корчмы. Конюх посмотрел ему вслед: спина прямая, шаг четкий. Солдат. Так ходят только солдаты, пока их не согнет война.

Инбар Лапут сдвинул капюшон на спину и огляделся. Пустой двор, время сна — если в этой проклятой дыре вообще можно поспать. Шамаш, как всегда, висел в небе, подернутый пыльной дымкой. Как вчера. Как завтра.

«Хромая лошадь». Название подходящее — все здесь хромое, начиная с крыши. Инбар тут никогда не был, проезжал пару раз мимо, но слава этого места шла далеко по тракту. Дурная слава.

Дверь скрипнула, когда он вошел внутрь. Вонь ударила в нос: пот, блевотина, дешевое пиво и что-то еще, что лучше не опознавать. Паломники спали вповалку у стены, возницы дрыхли сидя, кто-то храпел, кто-то бормотал молитвы. По углам жались тени: воры, дезертиры, прочая шваль. Обычное дело — дно общества. Проблема лишь в том, что он теперь один из них. Инбар прошел в дальний угол, нашел свободное место и присел на скамью, укутавшись в плащ. От тепла и запаха дыма он скоро начал клевать носом и почти задремал. Но сон не шел, потому что он снова вспомнил, где находится и почему тут оказался.

«Черт, если бы я тогда не встал в караул к старику Боло! О Трое, ну почему я оказался не в то время и не в том месте?!»

Инбар снова стал вспоминать тот злополучный день с самого начала, с того момента, как Боло Великий вызвал его из приемной и заявил, что желает сейчас же отправиться в Церковь Духа. Он вспоминал это так детально, словно бы от этого зависела его судьба. Как будто это воспоминание может позволить ему сделать правильный выбор и его судьба вернется в ту колею, из которой таким неудачным образом выбилась.

Он прокрутил все, что было по дороге и потом в Церкви Духа, и вот его уже ведут двое ферритов, для того чтобы зарезать как свинью где-нибудь на задворках монастыря. Викс Хелена, этот узурпатор-коротышка, не пожелал проливать кровь в стенах священной Церкви Духа. Но Инбар уговорил их отвести его обратно к Виксу, чтобы рассказать про заговор, который он только что выдумал. Выиграл минут пять жизни и должен был придумать, как спастись. Очень быстро придумать.

...Они отошли шагов на пятьдесят и завернули за угол монастырского корпуса. Феррит справа дернул Инбара за локоть, когда тот споткнулся о корень.

— Шевелись, падаль, — прохрипел феррит. Голос глухой под шлемом, как из могилы. — Консул ждать не любит.

«Викс и ждать — два слова, которые не сочетаются, — подумал Инбар. — Как милосердие и феррит».

Второй конвоир молчал. Просто шел, позвякивая кольчугой. Инбар знал таких — все делают без лишних слов. Экономят дыхание для важных дел. Например, для убийства.

Церковь Духа маячила спереди, темная громадина в сером тумане. Инбар прикинул расстояние до входа. Двести шагов? Триста? Достаточно, чтобы солгать. Недостаточно, чтобы в ложь поверили.

— Про заговор расскажешь все. — Феррит справа явно любил поговорить. — Имена, кто и что, все планы, всех сообщников выложишь. Уж консул выпотрошит из тебя все.

— Само собой, какой смысл мне что-то скрывать... — Инбар старался, чтобы голос звучал устало, а не панически. Получалось средне.

— Вот ты все и расскажешь.

Грохот копыт заставил всех троих обернуться. Несколько всадников вылетели из-за поворота — впереди знакомая фигурка на огромном жеребце. Викс Хелена, мелкий ублюдок с комплексами великана.

Инбар открыл рот, но Виск проскакал мимо, едва удостоив его беглым взглядом. Взгляд говорил: «Почему эта мразь еще дышит?» Но останавливаться Пальчик не стал. Спешил куда-то. Наверняка резать, вешать или жечь.

Эскорт прогрохотал следом, обдав их грязью.

— Вот и поговорили, — хмыкнул болтливый феррит и толкнул Инбара в спину. — Ну что, пошли обратно, видать, не судьба тебе пожить. Пора молиться.

Они свернули к церкви. Здесь валялись трупы стражников и кровь уже впиталась в землю темными пятнами. Несколько мух уже кружились над телами.

Сейчас!

Инбар споткнулся, когда шел мимо вытянутой руки мертвеца. Он рухнул, перекатился, и пальцы сомкнулись на рукояти меча покойника.

Вскочил в стойку. Чужой меч в правой руке, баланс непривычный. Кинжал в левой — старый друг, верный, как псина.

Ферриты среагировали быстро. Слишком быстро для обычных головорезов.

— Вот же ты сука! — выдохнул болтливый, выставляя вперед клинок.

Молчаливый не стал тратить время на ругань. Просто атаковал — резкий выпад в горло. Инбар отбил, едва успев. Сталь взвизгнула о сталь.

Болтливый ударил слева. Инбар поймал удар на гарду кинжала, повернулся, ткнул мечом. Феррит быстро ушел в сторону. Мимо.

«Они хороши. Черт...»

Начался танец. Три фигуры в серых латах и грязных плащах кружили друг перед другом. Инбар держался хорошо, но против двоих долго не протянешь. Он это знал. И они это знали.

Болтливый финтовал справа. Молчаливый выжидал момент слева. Классика — один отвлекает, второй забивает.

Инбар парировал, уклонялся, контратаковал. Пот заливал глаза. Дыхание сбивалось.

— Какого дьявола тут творится?!

Голос прогремел как удар бича. Ферриты сразу же сделали шаг назад, но мечи не убрали. Инбар боялся отвлечься — один удачный выпад мог решить его участь. Из тумана слева появилось здоровенное пятно. Слишком большое и расплывчатое для человека. Всадник? Нет, еще больше. Конный отряд? Инбар наконец улучил момент и мельком глянул. Впереди феррит с решеткой на открытом шлеме с плюмажем. Дюкс, командир сорока всадников. Лицо под забралом было красным от ярости, почти в цвет его плюмажа.

— Вы совсем охренели? Уже деретесь за добычу? Режете своих?

Болтливый немного опустил меч:

— Командир, он не наш! Он... То есть приказ консула...

— Они изменники! — изо всех сил заорал Инбар, перебивая и указывая мечом на болтуна. — Напали! Хотели ограбить!

— Врет, сука! — взвился болтливый. — Он шпион! Это приказ самого...

— Сами вы шпионы! — Инбар вложил в голос всю уверенность. — Вон трупы обчистили уже!

Командир обвел всех троих мутным взглядом. В серых латах ферритов все на одно лицо. Как отличить своего от чужого? Никак.

— Тихо, твари! — рявкнул командир. — Еще слово — и всех троих на кол!

Инбар выждал паузу. У него есть козырь. Потом бросил:

— Разве добрые люди нападают вдвоем на одного?

Простая фраза. Но в ней была железная логика жизни: двое против одного всегда неправы.

Командир помолчал. Потом кивнул своим:

— Быстро развести их в стороны!

Трое ферритов спешили, грубо оттолкнули болтливого и молчаливого в сторону. Те не сопротивлялись — приказ есть приказ. Еще двое встали перед Инбаром, который с любезной улыбкой опустил меч. Молчаливый сумрачно посмотрел на Инбара и провел рукой по горлу.

«Достанешь, значит? — мысленно ухмыльнулся Инбар. — Сначала найди...»

Он не стал ждать. Пошел туда, куда его толкали солдаты. Прошел во второй ряд всадников. Еще дальше. Да, вот сюда. Один из отряда вел коня под уздцы — видно, его бывший хозяин больше в лошади не нуждался. Инбар вскочил в седло, снял с луки и торопливо нацепил шлем мертвеца. Феррит лишь мельком взглянул на него и отпустил повод лошади. Серый среди серых. Феррит среди ферритов. Свой среди своих.

— Строиться! — рявкнул командир. — Хватит терять время!

Отряд двинулся. Инбар пристроился в середине — не слишком близко к командиру, не слишком далеко. Обычное место обычного солдата. Не поворачивая головы, проводил глазами стоявших у входа в Церковь двоих ферритов из охраны Вика — они все высматривали его, но явно уже потеряли в безликом ряду всадников. Говорливый что-то опять тараторил, а молчун указал пальцем куда-то сильно позади Инбара. Повезло.

Дорога вела мимо побоища. Инбар узнал место — тут они проезжали вместе с магистром Боло, и карета увязла в грязи. А потом здесь ферриты и рыцари Вика вырезали арбалетчиков из Северолесья. Трупы валялись как попало. У кого-то вывалились кишки. У кого-то не было головы.

Мясорубка. Обычная мясорубка.

Солдаты деловито общаривали тела. Снимали сапоги, ремни, кошельки. Война кормит живых мертвецами — старая истина.

На деревьях уже висели первые тела. Арбалетчики из северных лесов раскачивались на ветках, как странные перезревшие плоды. Вороны кружили над ними, выжидая. Скоро начнут клевать глаза — тоже добрая традиция. Инбар увидел на ближайшем мертвеце — здоровенном белобрысом детине с рассеченным по диагонали лицом — табличку с кривой надписью «Враг Веры».

«Удобно. Любой, кто сделал не ту ставку в этой игре, теперь ее враг. Враг богини с завязанными глазами».

Туман густел. Инбар огляделся, отмечая каждую деталь. Молочная пелена ползла с холмов, превращая мир в призрачное марево. Ему опять везет. Идеально для побега.

Инбар начал отставать. Медленно, незаметно. Пропустил вперед одного всадника. Потом другого. Конь под ним фыркал — чуял чужого седока.

— Тихо, скотина, — прошептал Инбар. — Потерпи еще немного.

Поворот дороги. Инбар уже ехал предпоследним. Замыкающий проследовал мимо, лениво глянул в сторону отставшего и ничего не сказал. Отряд скрылся за деревьями. Инбар дернул поводья влево, направляя коня в туман. Белая стена поглотила его целиком.

«Прощайте, ублюдки».

Он пустил коня шагом, стараясь не шуметь. Копыта глухо чавкали по размокшей земле. Где-то слева каркнул ворон. Справа хрустнула ветка.

Инбар остановился, прислушиваясь. Тишина. Даже ветер стих. Только туман полз между деревьями, как дыхание мертвой земли.

«Свалил. Теперь главное — не нарваться на дозор».

Он стянул шлем феррита, швырнул в кусты. Чужая вещь воняла потом и страхом. Расстегнул ворот, вдохнул холодный воздух.

Куда теперь? В город, в резиденцию магистра, возвращаться смысла нет — там его сочтут предателем. Да и магистр теперь уже новый. К Виксу тем более идти смысла нет — второго шанса не будет. Остается одно — валить подальше от всех. Подальше от столицы, пока тут все не успокоилось.

Инбар усмехнулся. В этом мире всегда остается только выбор: драться или бежать. Но бежать приходится от войны к войне. От резни к резне. От одного хозяина к другому.

«Философ хренов. Двигай давай, пока тебя не хватились».

Он тронул коня с места. Туман расступался впереди и смыкался позади. Белое безмолвие Эрры — лучшее укрытие для таких, как он.

Где-то далеко затрубил рог. Тревога? Или просто сигнал к привалу? Инбару было уже плевать.

У него теперь были конь, меч и собственная жизнь. Вернее, то, что от нее осталось в этом проклятом мире. Все было растоптано в один день просто потому, что он оказался не в то время не в том месте. Позади привольная жизнь в гвардии, долги, столичные интрижки и мысли о повышении. Впереди неизвестно что. Но и это лучше, чем веревка на шее или сталь между ребрами. Туман глотал звуки, глотал следы, глотал его прошлое.

«Может, это и есть свобода, — подумал он. — Когда всем плевать, жив ты или сдох».

Конь фыркнул, словно соглашаясь. Инбар легонько тронул его бока и направился в сторону торгового тракта...

* * *

Он проснулся, что-то вытолкнуло его из сна. Из дальнего угла донеслись крики.

— Шесть! Ха! Опять шесть, суки! Получи, накося выкуси!

И знакомая скороговорка:

— Кошка летает, птицу хватает, удачу привлекает!

— Да вот ты жулик — опять двойная!

Кости. Инбар потянулся, разминая ноги, и поморщился. Руки зачесались, как всегда, при звуке игральных костей.

«Нет. Нет. Я сказал — нет. Не сейчас. Я на мели, а без денег ну какая игра?»

Но ноги сами понесли его к тому углу, где шла игра. Сел рядом и сам стал приглядываться.

«Вообще, можно было бы поставить кинжал... Так, я же сказал — нет. Никаких костей!»

Пять фигур сгруппировались вокруг стола. Круглолицый балагур тряс стаканчиком — явно заводила. Рядом сухой старикан с постным лицом педантично считал монеты и расставлял их столбиками перед собой. Неопрятная баба с жирными волосами следила за игрой хищными бегающими глазками. Мрачный детина со сломанным ухом положил здоровенные ручищи на стол. Когда он потянулся будто бы почесать ногу, Инбар заметил у него за голенищем сапога припрятанный ножик. И пацан — лет семнадцати, не больше. Глаза горят, руки дрожат, на лбу выступил пот.

«Обдирают мальчика, как липку. Как всегда, одна и та же картина».

— Ставлю вот это! — выкрикнул мальчишка. — Письмо! В Капитул! С печатью!

— Письмо? — старикан хищно прищурился. — От лорда? С печатью?

— Такое письмо дорого стоит, — подтвердила женщина с жирными волосами.

Инбар замер. Письмо с печатью? Да еще и в Капитул. Небось рекомендательное. Неплохо. Это билет. В столицу, подальше от награды за его голову. Или к перекупщику, что тоже хорошо.

— Письмо так письмо, — хмыкнул круглолицый. — Глядишь, задницу им подотрем. Бросай, Томми! — Пацан — Томас, значит — тряхнул стаканчиком. Кости выпали. Двойка и тройка.

— Эх, не повезло! — Балагур сгреб кости. — Моя очередь!

«Шулера. Все четверо. У меня глаз наметан».

Инбар встал, потянулся и подошел к столу.

— Эй, пропащие души, место для игрока найдется? — Вся пятерка разом обернулась. Дитина со сломанным ухом прищурился.

— Проваливай. Не видишь — играем!

— Красавчик, не груби гостю! — Круглолицый осклабился. — Хотя места и правда нет. Извини, дружище.

Инбар ухмыльнулся.

— Да ладно. Что, обделались? Трое взрослых мужиков и бродяжка пацана обдирают — и еще одного игрока боятся?

Красавчик вскочил, рука дернулась к голенищу, но нет, ножик остался на месте.

— Ты че сказал?

— Говорю, что вы трусливые шакалы, — медленно произнес Инбар, поставив руки на пояс так, чтобы был ясно виден его кинжал. — Или я не прав, а, весельчак? — Инбар кивнул на круглолицего балагура. Тот побагровел. — Этот сухостой считает бабки. Старушка небось на подхвате. А ты, пельмень ушастый, для мебели?

Выхваченный нож все-таки блеснул в руке дитины.

— Щас я тебе...

«Э-э-э, да ты медленный. И выдал свою рабочую руку».

— Тихо! — Старик поднялся и положил ладонь дитине на плечо. — Не дергайся, Красавчик. — Он повернулся к Инбару. — Хорошо, мы согласны. Но давай посмотрим, на что играешь.

Инбар сел за стол рядом с Томасом. Тот посмотрел на него с надеждой и страхом.

«Пока держится пацан. Но, конечно, долго не протянет».

— С кем играю? — деловито спросил Инбар.

— Веселый Ук, Сухой Пыр, Матушка Гниль и Красавчик, — перечислил всех Весельчак. — И наш хороший друг Томас из замка Жус.

«Замок Жус? Вот это да! Это же логово самих мятежников Лангобаров. А этот парень, похоже, не так прост».

— А ты кто? — сумрачно спросил Красавчик.

— После первого броска скажу, — отрезал Инбар. — Примета у меня такая. Сразу не говорить, чтобы удачу не спугнуть.

«Черт. Надо бы имя придумать. Что-то я совсем про это забыл. Когда за твое имя обещана награда, им уже не козырнешь».

— Ставки? — спросил Веселый Ук, который был уже совсем не весел, а мрачен.

— У меня меч. — Инбар отстегнул ножны, оставив кинжал при себе.

Шулеры переглянулись.

— Меч так меч. На десятку потянет. Томми, твоя ставка?

Мальчишка сглотнул.

— Я... я ставлю себя. В рабство. На год.

«Вот дерьмо! Совсем плохи дела у пацана».

— Принято! — Веселый Ук потряс стаканчиком. — Начнем!

Первый бросок — ничья. Инбар быстро глянул на кости — выпал Капитан.

— Мое имя — Капитан.

— Ха, совпадение? — Весельчак указал пальцем на изображение на костях.

— Это не совпадение. — Инбар пристально и тяжело взглянул ему в глаза. — Это фортуна. Мое имя — Капитан Фортуна.

— Странное имя для мидгардца, — как бы между делом заметил Сухой Пыр. — Вот для южанина оно было бы в самый раз.

— Да уж, ересью от такого имени несет за версту... — добавила Матушка.

— Не нравится — не нюхай.

Второй бросок — Инбар проиграл.

«Пока все по плану. Пусть расслабятся».

На третьем броске Матушка Гниль взяла стаканчик. Инбар внимательно следил за ее руками — вот! Движение слишком плавное, ладонь прикрыла доньшко.

Рука Инбара метнулась, как змея. Пальцы сомкнулись на запястье бабы. Та взвизгнула.

— А ну-ка дай мне стаканчик, мамаша.

— Пусти! Пусти, сволочь!

Инбар сжал сильнее. Хруст. Баба заскулила, стаканчик выпал. Он взял его в руку и покрутил. Ага, вот и двойное дно. И там кубик с шестерками на всех гранях.

— Ах вы суки...

Все случилось разом. Грохот перевернутых стульев, все оказались на ногах. Красавчик выхватил нож и бестолково ткнул им воздух. Сухой Пыр, не особенно торопясь, достал из своей трости изящный стилет. Веселый Ук, ощерившись и чуть пригнувшись, извлек дубинку из сапога. Матушка Гниль просто нырнула под соседний стол и теперь подвывала оттуда.

И тут Томас вытащил из своей сумки...

«Кайлаш? Святая Мега, и какой кайлаш!»

Миниатюрный блестящий пистолет дрожал в руке пацана. Ересь, дичь, небывальщина. Запрещенная вещица. Живая Древность. Стоит как табун лошадей. За такое — костер или виселица, на выбор.

— Н-не двигаться! — Томас водил дулом от одного шулера к другому. — Убью! Убью любого!

Шулеры застыли, как будто увидели Троих, спустившихся на землю с небес. С кайлашем не шутят. Или шутят, но только один раз.

Красавчик дернулся первым. Рука с лезвием ударила Инбара в грудь. Лязг металла — под рубашкой кольчуга.

«Дурак. Медленный дурак».

Кинжал Инбара слегка чиркнул по плечу детины. Кровавое пятно начало расплываться на рубахе.

— А-а-а! Режут! Посреди народа режут насмерть! — кричала из-под стола Матушка Гниль.

Грохот, как будто рядом с Инбаром ударила молния. И даже запах пошел как во время грозы.

Томас выстрелил в потолок. На головы им посыпался какой-то мусор. Инбар был уверен, что посмотри он сейчас наверх — там дырка размером с круглую голову Весельчака. Эти ручные кайлаши только с виду такие маленькие, а мощь у них как у небольшой пушки.

«Зря, пацан. Заряды у кайлаша не бесконечные».

— Все сдохнете! — орал Веселый Ук. — Порежем!

— Сам сдохнешь! — Инбар подхватил меч и пнул ногой стол. Монеты полетели во все стороны.

Крики разбудили постояльцев. Паломники вопили. Кто-то побежал к выходу. Кто-то — поглазеть.

— Вставай, гляди!

— Дерутся! Смотри! Мордобой!

— Драка! Драка!

— Кайлаш! У пацана кайлаш!

— Он темный! Клянусь Мегой, это еретик!

— Стража! Зовите стражу! Еретики паломников режут!

Ситуация вокруг стола не изменилась.

— Давайте уходите по-хорошему, — предложил Инбар насколько можно миролюбиво.

— Мы выиграли все честно! Но Матушкину долю можем отдать, — заявил Веселый Ук.

— Торгуешься уже? — спросил Инбар, плавно двигаясь в стойке с мечом и кинжалом.

— Вам и без пацана со мной не справи...

Дверь распахнулась от удара ногой в латном ботинке. На пороге — пять фигур. Сверкающие доспехи, белые плащи. Ферриты. Шлемы блестят, дурацкие плюмажи болтаются.

«Так. Четыре меча и арбалет. Неплохо. Могло быть и хуже».

— Именем Святой Веры! — рявкнул командир. — Оружие на пол! Живо!

Инбар переглянулся с Томасом. Потом с шулерами. Мысль у всех в глазах была одна: этим сдаваться нельзя.

Четыре меча и арбалет. Кайлаш Томаса. Ножи шулеров. Меч и кинжал Инбара.

Пять на пять.

— Ну что, — прохрипел Красавчик, зажимая рану. — Подохнем вместе?

Командир ферритов поднял и навел на него свой арбалет.

— Повторять не буду! Оружие на пол!

Томас навел кайлаш на его шлем. Рука больше не дрожала.

Поход мертвецов VI

Океан бился о скалы внизу, как пьяница в соседскую дверь — тупо, настойчиво и без всякой надежды попасть внутрь. Амиральда сидела у окна в кабинете бывшего коменданта крепости, теперь уже Огнепева, а не Огнепада, — смена названия случилась сама собой после того памятного штурма. Письма на столе пахли сыростью и страхом. Особенно те, что прислал градоначальник Утгарда, известный как Гард Серебряный Топор.

Она взяла первое письмо, пробежала глазами. Чернила расплывались от влаги — видимо, писец потел, когда выводил эти жалкие строчки.

«Дражайшая леди Амиральда, ситуация в Утгарде требует вашего немедленного присутствия...»

Чушь. Ситуация в Утгарде всегда была дерьмовой, просто теперь Гард почуял запах большой войны и обделался сильнее обычного. Она отложила письмо, взяла следующее. То же самое, только с большим количеством восклицательных знаков.

«Лангобары движутся на север! Викс собирает силы в Мидгарде! Нам необходимы ваши оптиматы и летающие галеры для опережающего удара по Фрейру!»

Опережающий удар. Амиральда фыркнула. Гард начитался военных трактатов и теперь мнит себя стратегом. Фрейр — богатый торговый город в нескольких днях пути от Утгарда. Конечно, старый хрен захотел его прибрать к рукам, пока все режутся между собой. Только вот проблема: Фрейр — это не девственница в монастыре, а город, полный проходимцев и наемников, у Гарда же кишка тонка для настоящей осады.

Третье письмо она даже дочитывать не стала. По почерку узнала — тот же Гард, только теперь, судя по дрожащим буквам, писал сам, без писца. Наверное, боялся, что его паника станет достоянием общественности.

Ветер ворвался в окно, разметав бумаги, и Амиральда быстро придавила их кинжалом. В Огнепеве всегда дуло — крепость торчала на скалах в океане как напоминание морским богам об их немогущности. Те отвечали взаимностью, посылая шторма и туманы.

Астон бы сказал, что это все из-за конвекционных потоков и перепадов чего-то при смене моря на сушу. Пятнадцать лет, а уже знает больше, чем иные магистры Ордена. Она улыбнулась, вспомнив его последнее письмо: мальчик писал о своих экспериментах с порохом, о новых пропорциях серы и селитры. Гениальный ребенок. Ее мальчик.

А вот Флавьен... Амиральда нахмурилась. Двадцать шесть лет, красива как утренняя заря и добродетельна как... как... Да черт, она даже сравнения подобрать не могла. Откуда в ее приемной дочери столько чертовой добродетели? Уж точно не от нее переняла. Последнее письмо от Флавьен было полно тревог: девушка беспокоилась о здоровье Амиральды, о том, что та слишком много времени проводит в походах.

«Матушка, вы могли бы остаться в Утгарде, заняться алхимией, как всегда мечтали...»

Алхимия. Амиральда усмехнулась. Если бы девочка знала, чем на самом деле занимается ее мать. Впрочем, Астон догадывался. Умный мальчик не мог не заметить странных книг в ее библиотеке, приборов, которые она привозила из походов. Древние артефакты, которые были не только еретическими, но и часто просто смертельно опасными.

Она встала и подошла к окну. Внизу, на скалах, волны разбивались в белую пену. Где-то там, за горизонтом, лежал Золотой остров. Часть архипелага Дродеров. На нем город Рыжебег с его золотом. Золото, которое позволит построить целый флот летающих галер. Золото, которое даст ей силу изменить этот мир.

Гард хотел втянуть ее в свою мелкую возню за Фрейр. Старому дураку приспичило поиграть в завоевателя. Он даже не осознает, что пока Лангобары и Викс грызутся между собой, они фактически защищают Утгард своими спинами.

Еще одно письмо привлекло ее внимание — уже не от Гарда. Почерк Теофила Хосса был легко узнаваем: ровный, аккуратный, буквы словно выведены хитрой печатной машиной Древних. Архивариус писал о находках в подвалах южных крепостей, о древних текстах, которые могли бы заинтересовать «просвещенную даму».

Амиральда сложила письмо, задумалась. Хосс был опасен своим интеллектом. В их последнем разговоре он почти прямо спрашивал о Темных Астрогаторах, хотя ему было положено знать о них больше, чем ей. Что это было? Проверка? Она тогда отшутилась, но оба понимали: игра началась. Хосс — это Орден или Темные? Или кто-то третий? Рано или поздно ей придется найти ответ на этот вопрос, а им придется определиться: союзники они или враги.

Ощутимо стемнело, и Амиральда снова взглянула в окно. Нет, Шамаш не погас, это просто очередная грозовая туча, родившаяся где-то на морских просторах, шла штормом на сушу. Почему-то гроза всегда собирается над океаном. И что за странное сияние видно на горизонте над морем, когда Шамаш плотно укрыт облаками? И где, черт возьми, хитрые млоки прячут свое золото?

Астон разберется и поймет. Когда придет время, сын продолжит ее дело. У него есть острый ум, есть нужные знания. А Флавьен... Флавьен выйдет замуж за какого-нибудь достойного человека, нарожает детей и будет счастлива в своей добродетели неведения. Может, оно и к лучшему. Не всем дано нести бремя знания.

Амиральда вернулась к столу, достала чистый лист. Нужно написать ответ Гарду. Успокоить старого дурака, пообещать, что она скоро вернется с летающими галерами и защитит Утгард. Но не сейчас. Сначала — подготовка к походу на Рыжебег. Оптиматы тренировались каждый день. Бесхвостый составлял карты течений — этот млок оказался на удивление полезен.

Перо закрипело по бумаге.

«Глубокоуважаемый лорд Гард, ваше беспокойство понятно, но преждевременно. Ситуация требует взвешенного подхода...»

Дерьмо. Она пишет как обделавшийся чиновник. Амиральда скомкала лист, начала заново.

«Не нужно бояться. Лангобары сейчас — твой щит. Пока они дерутся с Виксом, на Утгард никто не нападет. Сиди тихо, укрепляй стены, копи припасы. Я прилечу через две недели. Оптиматов дам десяток для успокоения твоих страхов. Галеры нужны для разведки, не для штурма Фрейра. Не делай глупостей. А.»

Коротко и ясно. Гард поймет. Или не поймет, но подчинится — выбора у него все равно нет. Конкордия держится на ее галерах и оптиматах Дантона, а не на золоте утгардских купцов.

Она быстро запечатала письмо сургучом, позвонила в колокольчик. В дверях появился молодой оптимат — один из новобранцев, еще не бывавших в настоящем деле.

— Возьми. Отправить с ближайшей галерой в Утгард, — приказала она, протягивая письмо. — И передай Железному Брюху — пусть готовит пять человек. Полетят вместе со мной через три дня.

— Так точно, миледи!

Парень исчез, гулко топая сапогами по каменным плитам. Амиральда снова повернулась к окну. Где-то там, в Утгарде, Астон склонился над своими ретортами, а Флавьен вышивает очередной весьма благочестивый узор. Ее дети. Такие разные, такие далекие от войны, которая вот-вот захлестнет континент.

Но сначала — Рыжебег. Золото млоков решит многие проблемы. А проблемы Гарда... Амиральда пожала плечами. Проблемы трусливых стариков имеют свойство решаться сами собой. Обычно не в пользу стариков.

Океан продолжал свое вечное наступление на скалы. Волна за волной, век за веком. Упрямый ублюдок. Почти как она сама.

* * *

Башня Огня возвышалась над крепостью, и из ее окон мог бы открыться прекрасный вид, если бы не туман, утопивший все внизу. Впрочем, ему недолго было тут прохладиться — над морем вдалеке уже зрел новый шторм, и его сизые облака стремительно приближались к вытянувшемуся в океан полуострову, на вершине которого примостилась крепость. Внутри Башни Огня, в круглом зале, где некогда заседали коменданты Огнепада, теперь царил организованный хаос походного штаба. Карты на стенах, ящики с припасами, запах машинного масла и пороха — все говорило о том, что здесь обосновались люди дела, а не придворные крысы.

Амиральда и Дантон стояли у стола, где громоздились отчеты. Трон с драконами все так же пустовал, но на нем теперь красовалась бронзовая астроябля, вытасченная из подвалов крепости. Инструмент Древних, а не символ власти. Это было важно. Любой дурак может пристроить свой зад на трон, но не каждый способен понять, как работает астроябля.

— Значит, начнем, — пробормотал Дантон, потирая колено. Старая рана ныла перед штормом, а в Огнепаве шторм был через день. — Кто первый?

В углу зашевелился Бесхвостый. Млок сидел, чуть покачиваясь, на обрубке собственного хвоста — поза выглядела неудобной, но его, похоже, все устраивало. Веки полуприкрыты, усы чуть подрагивают. Амиральда знала: он не спит. Млоки вообще редко спят по-настоящему, находясь в каком-то двойном состоянии между сном и явью. Удобно для подслушивания. И, как она недавно стала подозревать, для запоминания.

Первым вошел сотник Грош — командир гарнизона. Здоровенный детина с лицом, похожим на обгорелую лепешку. Шрамы, ожоги, следы от оспы — полный набор украшений профессионального солдата.

— Докладывайте, сотник, — скомандовала Амиральда.

— Все спокойно, миледи. Округу прочесали, беглецов выловили. Пятерых квадров нашли в пещерах к югу — эти прятались там еще со штурма. Жрали крыс и друг друга.

— И?

— Допросили. Ничего полезного — мозги от голода усохли. Всех прикончили, как было приказано.

— Местное население?

— Рыбаки из деревень присягнули. Платят десятину рыбой и перевозками грузов. Жаловаться перестали после того, как повесили старосту в Малой Бухте. Он там смуту разводил, говорил, что мы хуже млоков.

— Может, и прав был, — хмыкнул Дантон.

Сотник Грош пожал плечами — философские вопросы его не интересовали.

— Укрепления?

— Стены заделали, где смогли. Брешь от нашего штурма залатали камнями из местной каменоломни. Правда, раствор дерьмовый — известь плохая, песок с солью. Но какое-то время держаться будет.

— Припасы?

— Зерна на три месяца, солонины — на два. Воды хватает — тут под крепостью источник, Древние хорошо выбрали место. Порох экономим, как велели. Стрел для баллист наделали из местного дерева — малость кривые, но летают.

— Что с дозорными?

— Расставлены по всем башням. С моря млоков не видно уже месяц. Либо они отошли глубже, либо готовят что-то. Но сигнальные костры исправны, при первых признаках...

— Хорошо, — прервала его Амиральда. — Свободны, сотник.

Сотник Грош отсалютовал и вышел. Тут же, не давая ему пройти, протиснулся инженер Бруккер. Он выглядел еще более замасленным, чем обычно. На лбу красовалось свежее пятно мазута, очки сидели криво, из карманов торчали какие-то железки.

— Ну, что у нас с галерами? — сразу же спросил Дантон.

— О, с галерами все прекрасно! — Бруккер засиял. — Ту, что разбилась, мы починили. Пришлось, правда, половину обшивки заменить, но зато теперь она еще крепче. И легче! Знаете почему?

— Нет, но просветите нас, — сухо сказала Амиральда.

— В подвалах нашли пластины и детали из металла Древних! Легкий такой металл, как гусиное перо, прочный, как... как... Ну очень прочный! Я такого никогда не видел. Режется только специальными круглыми пилами, которые мы тоже там нашли. Представляете? Круглые пилы! Теперь можем резать что угодно. И усилить все уязвимые места.

— Сколько этого металла?

— Немного. Листов двадцать, каждый с дверь размером. И десятка три других элементов. Но если экономно использовать...

— Используйте. Что еще нашли?

Бруккер полез в карман, достал какую-то деталь — блестящий цилиндр с проводами.

— Вот это. Не знаю, что такое, но когда подключил к батарее... — Он покрутил что-то сбоку, и цилиндр загудел. — Слышите? Оно живое!

— Это электрический мотор, — спокойно сказала Амиральда. Бруккер моргнул, уставившись на нее.

— Вы знали?

— Читала в старых книгах. Они бесполезны, просто жужжат и ничего не делают. Что насчет вашей идеи с использованием пара?

Инженер оживился снова.

— А, да! Помните, как во время штурма галера упала в ров? Двигатели были раскалены, вода — бах! — и такой столб пара! Меня тогда еще обожгло, ну да я не об этом... Я тогда видел, как струя пара подбросила в воздух стражника. Очень высоко. И я подумал: если пар может поднять такую тяжесть, может, его можно использовать? Сделать трубу, в которую струей попадает пар, и в ней установить поршень. Пар будет толкать поршень — и тот будет двигаться! Это подойдет для...

— Для привода механизмов, — закончила Амиральда. — Идея не новая. Древние использовали пар для многих вещей. Паровые турбины, паровые молоты, даже паровые повозки.

Бруккер сник и тяжело вздохнул:

— То есть я ничего не изобрел?

— Изобрели. Точнее, вы переизобрели. Это тоже важно.

— Но...

— Стройте свою машину, Бруккер. Экспериментируйте. Нам пригодится любая технология. Даже изобретенная второй раз. Что с производством галер?

— Медленно. Материалов не хватает. Газа едва-едва. Если бы найти еще двигатели...

— Ищите. В подвалах еще много чего может быть. Не забывайте: эта крепость построена Древними. Свободны.

Инженер вышел, все еще расстроенный.

* * *

Бруккер ушел, но его слова остались: «В подвалах нашли пластины из металла Древних». Амиральда встала.

— Я вниз, — бросила она Дантону. — Хочу кое-что проверить.

— Опять подвалы? — Дантон поморщился. — Там же крысы размером с кошку.

— Тем лучше. Они составят мне компанию.

Она спустилась одна. Факел трещал в сырости, бросая оранжевые пятна на мокрые стены. Подвалы крепости уходили глубоко — глубже, чем ходили жители Огнепева. Это была не крепость, а скорлупа, выросшая поверх чего-то старого, как мох на камне. Бруккер нашел свой металл на третьем уровне. Но Амиральда знала: есть еще и четвертый.

Проход за ржавой решеткой, которую она вскрыла еще на прошлой неделе. Коридор из материала, похожего на стекло, но теплого на ощупь. Ни капли влаги — воздух здесь был сухой и мертвый.

Она нашла это в самом конце коридора, за обвалившейся переборкой.

Небольшая круглая комната. Без машин, без металла, без того добра, которое Бруккер тащил наверх для своих галер. Только стены. И на них — фрески.

Амиральда подняла факел выше.

Краски выцвели — столетия не пощадили даже технологии Древних. Но изображения все еще читались. Люди в странных доспехах — обтекаемых, без швов, не шитых, а как бы отлитых по фигуре. Они стреляли из оружия, рядом с которым кайлаши оптиматов выглядели бы детскими игрушками. Лучи, дым, огонь.

А напротив них — существа.

Амиральда прищурилась, поднесла факел вплотную к стене. Тварей было два вида. Первые явно напоминали квадров — та же крысиная морда, те же пропорции, — но крупнее и выше, в синих доспехах. Не дикие крысолюды, которых она встречала на рынках Утгарда. Организованные кадры. Вооруженные. С боевыми машинами Древних.

Рядом с ними — другие. Амиральда сначала не узнала, а когда поняла, кто это, холод пробежал по спине. Млоки. Баргу. Те же перепончатые лапы, тот же силуэт, те же головы и хвосты. Только и они — в доспехах и странных круглых шлемах. С оружием и в строю.

Люди — с одной стороны. Кадры и млоки — с другой.

Война, которая шла на Эрре столетия назад.

Она провела пальцем по поверхности, стирая пыль. В центре композиции — над головами сражающихся — висел символ. Круг с вписанным в него изломанным крестом. Она не знала, что он означает. Но запомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.